

САНАТОРИЙ НЕВЕРУЮЩИХ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Санаторий неверующих

«Автор»

2026

Северский А.

Санаторий неверующих / А. Северский — «Автор», 2026

В 2089 году аудитор общественных алгоритмов Мира Карель приезжает под чужой фамилией в санаторий «Тихая мера». Здесь людей лечат от неспособности верить, а согласованные решения пациентов питают климатическую сеть трёх городов. Мира должна разоблачить незаконный эксперимент — и найти след брата Льва, исчезнувшего после работы над той же системой. Дом отвечает голосами, архив хранит несовместимые версии прошлого, а приближающийся климатический фронт превращает философский спор в вопрос выживания. Но главная тайна Миры опаснее чужих: именно её подпись когда-то помогла лишить Льва доступа. Чтобы остановить принуждение и не разрушить защиту городов, участникам придётся создать систему, в которой ни одна правота не становится властью, а каждый сохраняет право отозвать согласие. Даже если невозможно доказать, кто говорит из стен — человек, машина или сама память.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Девятый автобус	7
Глава 2. Палата хора	15
Глава 3. Сухой бассейн	22
Глава 4. История, которой не было	29
Глава 5. Нулевая карточка	36
Глава 6. Добровольный режим	42
Глава 7. Первый отзыв	51
Глава 8. Комната проверки	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Северский

Санаторий неверующих

От автора

Мы привыкли противопоставлять веру и знание, словно между ними проходит чистая, хорошо освещённая граница. По одну сторону располагаются факты, измерения и доказательства, по другую — надежды, предчувствия и всё то, что разумный человек будто бы обязан держать под подозрением. Но большая часть человеческой жизни устроена сложнее. Мы садимся в поезд, не проверяя каждую деталь тормозной системы. Соглашаемся на операцию, не повторяя образование врача. Открываем дверь близкому человеку, хотя никакой документ не гарантирует, что он не причинит нам боль. Даже решение дождаться дополнительных данных уже опирается на предположение, что ожидание безопаснее действия.

«Санаторий неверующих» вырос из вопроса о том, что происходит, когда общество начинает считать способность доверять измеримым ресурсом. Если совместное ожидание действительно помогает удержать сложную систему от распада, можно ли собирать его так же, как электричество или воду? Кто получит право определять достаточную меру сомнения? И останется ли доверие доверием, если отказ от него делает человека виновником общего бедствия?

Действие романа разворачивается в будущем, однако «Тихая мера» не задумана как прогноз конкретной технологии или модель настоящего лечебного учреждения. Санаторий здесь — замкнутое пространство нравственного опыта. В нём люди с разными причинами не верить вынуждены делить дом, воздух, расписание и последствия решений. Их разговоры важны не как состязание правильных мировоззрений. Каждая позиция проверяется поступком: тем, что человек готов сделать, чем рискует и какую цену предлагает заплатить другому.

Мистические события этой истории допускают несколько объяснений. Одни следы ведут к датчикам, препаратам и архитектуре внушения. Другие не укладываются в устройство, которое можно разобрать отвёрткой. Я не предлагаю читателю угадывать единственный правильный ответ и не прячу в последней главе ключ, отменяющий все прежние сомнения. Важнее наблюдать, как герои действуют до окончательного объяснения — и что делают с человеком, чьё свидетельство невозможно подтвердить.

Главная героиня умеет находить ошибки в чужих доказательствах. Это полезный навык и опасное убежище. Проверка защищает её от обмана, но постепенно превращается в условие близости: сначала докажи, что достоин доверия, потом получишь право быть услышанной. Роман не требует отказаться от проверки. Он спрашивает, существует ли такая проверка, после которой другой человек становится полностью безопасным и понятным. И если её не существует, означает ли это, что всякая связь — лишь неосторожность.

В книге звучит хор несовместимых голосов. Ни один персонаж не назначен носителем готовой морали, включая тех, чьи поступки причиняют очевидный вред. У принуждения здесь есть убедительное оправдание, у свободы — тяжёлые последствия, у разоблачения — момент, когда публикация правды способна разрушить то, что пока спасает жизни. Это не делает все решения равно приемлемыми. Это заставляет искать различие между объяснением и оправданием, между общей пользой и правом распоряжаться чужой внутренней жизнью.

Эту историю лучше читать, не торопясь сводить странности к диагнозу, заговору или чуду. Обращайте внимание на условия согласия: кто задаёт вопрос, что произойдёт после отказа, можно ли изменить решение, кто несёт последствия ошибки. В «Тихой мере» самые важные события иногда происходят не тогда, когда человек говорит «верю», а тогда, когда ему позволяют сказать «не знаю» и всё же остаться участником общего дела.

Перед вами не книга о победе веры над разумом и не защита недоверия как высшей формы независимости. Это роман о непрочной работе, которую люди выполняют между уверенностью и страхом: уточняют границы, признают риск, дают обещания с правом пересмотра и снова выбирают действовать вместе. Такая работа не создаёт окончательного доказательства близости. Возможно, именно поэтому она остаётся человеческой.

Глава 1. Девятый автобус

Автобус сошёл с материковой дороги в половине шестого утра, когда солнце ещё не поднялось над плотиной, но белое дно водохранилища уже отражало свет. Сверху оно казалось замёрзшим. Вблизи выяснялось, что это не лёд, а соль, растрескавшаяся на многоугольники и забившая серые стебли камыша. Колёса шли по узкой насыпи, оставленной после отступившей воды. По обе стороны стояли климатические мачты — тонкие, чёрные, выше старых опор электропередачи. Их лопасти были неподвижны.

Мира Карель считала мачты, пока их не стало тридцать семь. На тридцать восьмой водитель сказал:

— Уберите терминалы. Через две минуты закроется сеть.

В салоне зашевелились. Шесть пассажиров одновременно посмотрели на экраны, словно водитель объявил не о связи, а о последних двух минутах их прежней жизни. Мира не достала свой терминал. Он лежал во внутреннем кармане куртки, выключенный ещё на контрольном пункте. Служебный модуль был вшит в подкладку чемодана и должен был работать без сети: записывать локальные сигналы, отмечать вмешательство в память устройств, сохранять копии анкет. О его существовании не знало даже ведомство, направившее её сюда официально как пациентку. Ведомство знало только, что у Миры отпуск по состоянию истощения.

Это было первое утверждение, которое требовалось принять без проверки.

Справа от неё мужчина лет пятидесяти торопливо надиктовывал кому-то список: выключить насос в теплице, не доверять прогнозу на вторник, взять ключ у соседки. Связь оборвалась на слове «если». Мужчина ещё секунду держал терминал у губ, потом погасил экран и сказал уже пустому стеклу:

— Очень в их духе.

— В чём? — спросила женщина через проход.

Она была в ярко-жёлтом пальто, слишком лёгком для утреннего холода. На коленях у неё лежал плоский футляр с наклейками художественных мастерских.

— В духе людей, которые называют изоляцию методом.

— А вы всё-таки приехали.

— А вы всё-таки спрашиваете.

Женщина улыбнулась, будто получила именно тот ответ, которого ждала.

Позади них кто-то тихо засмеялся. Мира видела остальных в отражении окна: пожилой сухощавый мужчина с аккуратной седой бородой; юноша в форменной куртке климатической службы; полная женщина с коротко стриженными волосами; девушка, не отрывавшая взгляда от рук. Шестеро, если не считать Миру. В направлении значилось, что набор закрытый и группа уже сформирована. Имена она должна была узнать естественным путём. Любая попытка заранее запросить личные дела оставила бы след.

Автобус въехал между двумя мачтами. По стеклу прошёл голубой отсвет, хотя ни одна лампа снаружи не загорелась. Терминал мужчины сам собой показал белый экран.

— Всё, — сказал водитель. — Девять суток без внешнего канала. Внутренняя сеть будет в доме. Экстренный вызов — через персонал.

— А если персонал и есть причина экстренного вызова? — спросил седобородый.

Водитель посмотрел на него в зеркало.

— Тогда громко кричите. Здесь далеко слышно.

Никто не улыбнулся.

Насыпь повернула, и показался остров. Когда-то он был холмом над водой; теперь поднимался всего на несколько метров над белой равниной. Санаторий стоял на его вершине длинным корпусом из серо-зелёного стекла и старого светлого бетона. Два крыла расходились под

тупым углом, как стрелки часов без циферблата. Между ними темнел сад. Несколько сосен сохранились, но были наклонены в одну сторону постоянным ветром.

Мира видела это здание на спутниковых снимках, в рекламных турах, в четырёх жалобах бывших пациентов и на последней записи Льва. На записи брат стоял слишком близко к камере. За его плечом виднелась зелёная стена и окно, в котором отражались три огня.

«Они измеряют не доверие, — сказал он тогда. — Они измеряют цену отказа».

Через два дня Мира подписала заключение, ограничившее ему доступ к общественным системам. Через четыре месяца он исчез. Официально — погиб на северной дороге во время пылевой бури. Тело не нашли, но и дорога не оставляла тел надолго: автономные уборщики собирали всё, что могло повредить транспортный слой.

Мира не пересматривала запись уже семь лет. Она помнила каждый сбой голоса и потому могла не смотреть.

Автобус остановился перед низким входом. На ступенях ждала женщина в серой форме. Соль под её подошвами не хрустела — ступени были тёплыми.

— Добро пожаловать в «Тихую меру», — сказала она. — Я Эда. До первого круга я отвечаю за ваш быт, здоровье и право передумать.

— Право передумать включает обратный автобус? — спросил мужчина с насосом.

— Через девять дней.

— Значит, не включает.

— Включает решение не участвовать. Транспортное ограничение относится ко всем на острове, включая персонал.

Эда говорила без той особой мягкости, которой учреждения часто оборачивают приказ. Она была старше Миры, с серебряной прядью над левым виском и прозрачным браслетом на запястье. На браслете не было экрана. Когда она подняла руку, двери разошлись.

Водитель выгрузил багаж и не заглушил двигатель.

— Вы разве не остаётесь? — спросила девушка, смотревшая на руки.

— Нет.

— Но сеть уже закрыта.

— Для вас закрыта. Для автобуса дорога открыта ещё семь минут.

Лицо девушки изменилось. Она шагнула к багажу, схватила свой рюкзак и замерла, словно только теперь поняла, что решение должно быть принято телом, а не мыслью.

Эда не преградила ей путь.

— Если уедете сейчас, новый приём возможен через три месяца, — сказала она. — Штрафа нет. Причину указывать не нужно.

Водитель посмотрел на часы.

Женщина в жёлтом пальто подхватила свой футляр.

— Я Нана, — сказала она девушке. — Я остаюсь не потому, что здесь хорошо. Просто мне хуже возвращаться. Это не совет.

— Ася, — ответила девушка почти без голоса.

Потом покачала головой, будто имя тоже могло оказаться лишним, и поставила рюкзак на соль.

Автобус закрыл двери. Он развернулся на круге, подняв белую пыль, и ушёл по насыпи. Все семеро смотрели ему вслед. На повороте его задние огни на мгновение совместились с двумя красными точками на климатических мачтах. Потом между мачтами прошёл голубой отблеск, и автобус исчез не постепенно, а сразу — как строка, стёртая с экрана.

Мира моргнула. Насыпь оставалась прямой на несколько километров. Машина не могла скрыться за поворотом так быстро.

Юноша в форменной куртке наклонился, провёл пальцем по соли и посмотрел на направление ветра.

— Оптический экран, — сказал он. — На границе острова распыляют влагу. Не чудо.

— А кто сказал, что чудо? — спросил седобородый.

— Вы подумали.

— Вы не можете это доказать.

Седобородый улыбнулся. Юноша отвернулся.

Внутри санаторий пах не больницей, а мокрым камнем. По стене вестибюля стекала тонкая плёнка воды, собиралась в жёлоб у пола и снова уходила наверх. Над стойкой приёма висела надпись: «Сомнение не является нарушением режима». Ниже кто-то добавил карандашом: «Пока».

Мира остановилась у приписки.

— Оставляем, — сказала Эда. — Пациентский комментарий.

— Камеры его не заметили?

— Заметили.

— И автора не нашли?

— Не искали.

Первый маленький ответ, который звучал слишком подготовленно. Мира запомнила положение камер: одна над дверью, одна в полосе потолочного света, третья отражалась в мокрой стене, хотя самого объектива она не видела. Возможно, отражалась не камера.

У стойки им выдали одинаковые прозрачные карточки без фотографий. На карточке Миры проступило число семь и имя, которое она указала в заявлении: Мира Ланская. Фамилию матери она не использовала со студенческих лет.

— Карточка открывает жилое крыло, столовую и сад, — объяснила Эда. — После первого круга добавятся кабинеты. Западное крыло закрыто. Не пытайтесь входить туда без сопровождения.

— Что там? — спросила Нана.

— Помещения старой программы.

— Они опасны?

— Не обслуживаются.

— Это другой ответ.

— Да.

Мужчина с насосом представился Тимуром Веем. Он потребовал схему эвакуации, проверил ширину дверей и спросил, почему аварийные указатели ведут в сад, а не к насыпи.

— При климатической тревоге насыпь опаснее здания, — сказала Эда.

— Я работаю в сети. Не бывает тревоги, при которой бетонная насыпь опаснее стеклянного корпуса.

— Здесь бывает.

Тимур раскрыл рот, но полная женщина коснулась его локтя.

— Запишите вопрос, — сказала она. — Если ответ не меняет то, что вы сделаете в ближайшие десять минут, спор можно отложить.

— А вы кто?

— Лада. Я принимаю решения медленно и поэтому приехала туда, где меня обещали от этого вылечить.

— Вас обманули, — сказал седобородый. — Мы уже здесь пятнадцать минут, а вы приняли три решения.

— Четыре. Я решила не обижаться.

Он поклонился.

— Борис Орда. Преподавал историю до тех пор, пока история не пожаловалась на методы преподавания.

Оставался шестой — невысокий мужчина лет тридцати в застёгнутой до горла рубашке. Он назвался Глебом и больше ничего не сказал. Пока остальные говорили, он выровнял оставленные у стены чемоданы по краю серой плитки. Мира передвинула свой на два сантиметра. Глеб немедленно поставил его обратно, не взглянув на неё.

— Перед размещением заполните вступительную анкету, — сказала Эда. — Отвечайте по желанию. Обязателен только один пункт, отмеченный кругом.

— Если обязателен, это не по желанию, — заметил Тимур.

— Остальные пункты по желанию.

И снова никакой защитной улыбки.

Их рассадили в светлой комнате за отдельные столы. Окна выходили на сухое водохранилище. Автобуса уже не было видно, зато далеко на насыпи двигалось тёмное пятно — слишком медленно для машины и слишком ровно для человека.

Анкета появилась на матовой поверхности стола. Мира пролистала вопросы.

«Какое решение вы откладываете из-за недостатка данных?»

«Чья ошибка кажется вам менее опасной: ваша или чужая?»

«Когда вы в последний раз изменили убеждение, не будучи вынуждены доказательством?»

Формулировки были неприятно грамотными. Они не спрашивали о симптомах, религии или доверчивости. Они собирали модель поведения при неопределённости. Мира отвечала правдиво там, где правда ничего не открывала, и оставляла пустыми вопросы, позволявшие связать её с аудитом. Служебный модуль в чемодане находился двумя этажами выше, но тонкая пластина под ногтем снимала ритм запросов. Позже она проверит, совпадает ли время появления вопросов с изменениями пульса.

Последний пункт был обведён серым кругом.

«Назовите одно утверждение, которое существенно для ваших действий и которое вы не можете доказать в условиях программы».

Под ним стояло предупреждение: «Не выбирайте общую истину, метафору или заведомую ложь. Утверждение останется закрытым до тех пор, пока вы сами не решите сообщить его группе».

Мира посмотрела на остальных.

Тимур уже писал, сердито нажимая на поверхность. Нана держала палец над строкой и улыбалась чему-то своему. Борис запрокинул голову, будто искал подходящее утверждение на потолке. Лада закрыла глаза. Глеб ввёл ответ сразу, без исправлений. Ася сидела неподвижно.

— Можно отказаться? — спросила она.

Эда стояла у двери.

— Можно не участвовать в программе.

— Я спрашиваю про один вопрос.

— Без ответа контур не создаст вашу исходную меру.

— Значит, нельзя.

— Можно выбрать отъезд через девять дней и жить здесь без процедур до автобуса.

— А сегодня нельзя было сказать это до того, как он уехал?

Эда выдержала паузу.

— Следовало сказать яснее.

— Следовало сказать вообще.

Ася встала. Стул скользнул по полу без звука. Она подошла к двери, но Глеб произнёс:

— Инструкция требует завершить приём до размещения.

— Ваша инструкция, вы и завершайте.

— Она общая.

Ася посмотрела на него с такой сосредоточенностью, словно читала слова по движению губ. Мира заметила маленькие слуховые мембраны за её ушами — выключенные или неработающие. Эда повторила последнюю фразу Глеба лицом к Асе, чётко артикулируя.

— Общая инструкция не становится моей, — сказала Ася.

Она вышла. Эда не остановила её. Через минуту на столе Аси погасла анкета.

Мира вернулась к обязательной строке.

Она могла написать: «Санаторий нарушает закон». Существенно, недоказуемо до окончания проверки, достаточно правдоподобно для её легенды. Но это было бы рабочей гипотезой, а не утверждением, от которого зависели её действия. Можно было написать: «Я вернусь домой». Слишком общее. «Я не виновата» — заведомая ложь, хотя доказать её здесь никто не мог.

Строка ждала.

Семь лет назад Лев прислал ей последнее сообщение из «Тихой меры»: девять секунд шума, затем три коротких удара, два длинных и снова три коротких. Их детский сигнал. Так они стучали через стену, когда родители запрещали разговаривать после отбоя. Мира передала файл следствию. Эксперт определил работу незакреплённой вентиляционной заслонки. Мира потребовала повторной экспертизы. Вторая назвала водяной удар. Третья не нашла исходного файла в архиве.

Она приложила палец к строке и написала:

«Лев жив».

Буквы побледнели и ушли в глубину стола, будто их впитала вода. Серый круг замкнулся.

В ту же секунду в стене за спиной раздался тихий щелчок.

Мира обернулась. По водяной плёнке пробежала рябь. Остальные продолжали заполнять анкеты. Только Борис смотрел на неё.

— Дом принимает к сведению, — сказал он.

— Труба остывает.

— Разумеется.

— Вы хотите, чтобы я спорила?

— Нет. Я хочу запомнить, какое объяснение вы выбрали первым.

После анкеты им дали час на размещение. Комната Миры находилась на втором этаже восточного крыла. Узкая кровать, стол, шкаф, прозрачная дверь в душевую. Ни зеркала, ни экрана. Окно не открывалось, зато в подоконник был встроен механический рычаг вентиляции — редкая роскошь в зданиях с климатическим контролем.

Чемодан стоял у кровати. Плomba на замке выглядела целой. Мира провела пальцем по ребру и почувствовала едва заметную шероховатость: чемодан открывали и восстановили полимерную нить. Служебный модуль лежал на месте, но индикатор показывал одно обращение к памяти.

Она не стала включать запись. Если наблюдение уже обнаружено, поспешная проверка только подтвердит его ценность. Мира достала одежду, поставила зубную щётку в стакан и спрятала пластину из-под ногтя в шов полотенца. Обычные действия успокаивали не хуже доказательств, хотя доказательствами не являлись.

На внутренней стороне шкафа была нацарапана вертикальная черта, пересечённая тремя короткими. Мира коснулась её ногтем. Знак мог оставить кто угодно. Он не был их с Львом сигналом. Он вообще ничего не означал без контекста.

И всё же она сфотографировала его контактной линзой.

За обедом Ася вернулась. Она села рядом с Наной и сообщила, что заполнила строку.

— Передумала? — спросил Тимур.

— Нет. Выбрала утверждение, которое делает вопрос бессмысленным.

— Какое?

— Оно закрытое.

— Удобно.

Ася посмотрела на его губы и ничего не ответила.

Столовая была круглой, хотя снаружи в этой части здания не было выступа. Столы стояли по дуге вокруг пустого центра. Еду подавали через прямоугольные окна без персонала: овощи, тёмный хлеб, рыба из наземных бассейнов. Когда Нана спросила, где кухня, Эда указала на стену. Тимур тут же заметил, что за стеной по плану сад.

— Вам всё хочется поймать до того, как вы проглотите? — спросила Лада.

— Если речь о рыбе — желательно.

— И помогает?

— До сих пор я не отравился.

— Я тоже. А планы не проверяю.

— Значит, у нас одинаковый результат при разных расходах.

— Пока одинаковый.

Их спор прекратил Глеб. Он поднялся, потому что на стене загорелась надпись «Возвращение в палаты», и понёс поднос к окну. Остальные ещё ели.

— Расписание рекомендует, а не приказывает, — сказала Эда.

Глеб остановился.

— Надпись сформулирована как действие.

— Здесь многие формулировки придётся уточнять.

Он медленно вернулся на место, но к еде не притронулся. Мира увидела, как у него дрожат пальцы. Не раздражение — усилие, словно неполная инструкция создавала физическую боль.

К вечеру ветер усилился. Соль ударяла в нижние стёкла и шуршала, как сухой снег. Мира обошла разрешённую часть здания, считая двери, камеры и вентиляционные решётки. План эвакуации не сходил с длиной коридоров на одиннадцать метров. За западной дверью должно было начинаться пустое крыло старой программы. Карточка Миры не отозвалась на считыватель.

Она приложила ухо к двери. Сначала слышала только вентиляцию. Потом — движение воды, хотя резервуар находился в противоположной части корпуса.

— Первый день лучше не проверять дом на терпение, — сказал за спиной Борис.

Мира не вздрогнула. Это стоило ей отдельного усилия.

— У домов нет терпения.

— У учреждений есть. Иногда больше, чем у людей.

— Вы следите за мной?

— Я заблудился.

— Коридор один.

— Поэтому особенно обидно.

Он подошёл к двери, но не коснулся её.

— Вы приехали не лечиться, — сказал Борис.

— А вы?

— Я приехал проверить, можно ли жить, если перестать требовать от прошлого единственной версии. Это похоже на лечение, пока не получен счёт.

— Почему решили про меня?

— Вы смотрите не туда, куда ведут, а туда, откуда ведут.

— Наблюдательность не диагноз.

— Здесь — ещё нет.

Он ушёл, шаркая мягкими санаторными туфлями. Мира осталась у двери. Ей хотелось снова приложить ухо, но теперь любое действие казалось ответом Борису. Она вернулась в комнату.

В двадцать три часа свет в коридоре стал тёплым и тусклым. На двери появилась надпись: «Ночной режим. Вы можете бодрствовать». Уточнение было настолько странным, что Мира перечитала его дважды.

Она легла одетой. Служебный модуль поставила на пассивный сбор. Внутренняя сеть санатория передавала короткие пакеты каждые семь секунд; три источника находились в её комнате, хотя видимых устройств было два — замок и датчик воздуха. Третий сигнал шёл от стены, смежной с западным крылом.

В полночь пакеты прекратились.

Наступившая тишина была плотнее обычной. Исчез гул вентиляции, перестала шуршать соль, даже собственное дыхание Миры словно не доходило до стен. Она села на кровати.

Из пустого крыла донёсся удар.

Короткий.

Пауза.

Ещё два коротких удара.

Мира включила запись на модуле, не вынимая его из чемодана.

За стеной ответили тремя короткими — теперь ровно, с одинаковым промежутком.

Потом двумя длинными.

Потом снова тремя короткими.

Сигнал Льва.

Она стояла уже у двери, не помня, как пересекла комнату. Карточка лежала на столе. Мира схватила её, вышла в коридор и дошла до границы западного крыла. Тёплый свет не проникал дальше поворота. Считыватель на закрытой двери был мёртв.

— Лев? — сказала она так тихо, что сама едва услышала.

Ничего.

Она постучала костяшкой: три коротких, два длинных, три коротких.

За дверью ответил один удар.

Не тот сигнал. Просто удар — тяжёлый, низкий, будто ладонь легла на другую сторону двери.

Мира отступила. В стенах снова заработала вентиляция. Свет над дверью мигнул, считыватель показал красную полосу. На служебном модуле в комнате возобновились сетевые пакеты.

Она могла разбудить Эду. Потребовать открыть крыло, сослаться на человека за дверью, на угрозу жизни, на правила учреждения. Эда вызвала бы охрану или техника, а утром в деле пациентки Миры Ланской появилась бы запись: «Слышит исчезнувшего брата в первую ночь после внесения утверждения». Легенда выдержала бы, но аудит закончился бы раньше, чем начался. Ещё хуже: персонал получил бы право назвать случившееся симптомом и объяснить ей, что именно она пережила.

Мира присела у двери и осмотрела порог. На серой плитке лежала белая соляная пыль. В ней тянулась одна борозда изнутри наружу, как след от тонкого провода. Она сняла пробу на клейкую сторону карточки от багажа. Рядом нашла крошечную вмятину на металлической раме — свежую, без окисления. Техническое устройство могло передать удар. Скрытый динамик мог воспроизвести ритм из её старого файла. Доступ к файлу имели следствие, ведомственный архив и она сама. Санаторий мог получить его через Льва.

Каждое объяснение требовало нового нарушения, но ни одно — чуда.

В конце коридора появилась Эда. Она шла без спешки и остановилась, не доходя нескольких шагов.

— Не спится? — спросила она.

— Привыкаю к режиму.

— Здесь слышно, как остывают стены. Иногда кажется, что кто-то ходит в закрытом крыле.

Мира посмотрела на неё.

— Вы часто предупреждаете о том, о чём вас не спрашивали?

— Когда человек сидит ночью у запрещённой двери — да.

— Там кто-нибудь есть?

— По списку — нет.

— А не по списку?

— Я отвечаю за людей, а не за объяснения.

Эда протянула руку, предлагая помочь встать. Мира не приняла её и поднялась сама.

— Если услышите что-то различимое, сообщите, — сказала Эда. — До первого круга важна исходная реакция.

— Чтобы её измерить?

— Чтобы не перепутать с нашей.

Эда ушла к лестнице. Мира дождалась, пока стихнут шаги, и ещё раз посмотрела на дверь. За ней было тихо.

В комнате служебный модуль сохранил запись. На спектрограмме три коротких, два длинных и три коротких удара были видны отчётливо. Но в метаданных время начала стояло на семь секунд раньше, чем Мира нажала запись. Либо модуль держал буфер, о котором она знала и который заранее настроила сама, либо кто-то изменил часы устройства. Она проверила контрольную сумму. Целая. Проверила системное время по механическим часам над кроватью. Расхождение — семь секунд.

Мира открыла канал экстренного обращения к персоналу. Поле ждало текста.

Она написала: «В западном крыле слышны удары. Прошу проверить наличие человека».

Потом удалила.

Если там был Лев, немедленный вызов мог его защитить. Если там была ловушка, вызов показывал, что приманка сработала. Если там находился другой пациент, молчание могло стоить ему помощи. Если это была труба, все рассуждения превращались в способ придать вине форму задачи.

Мира сохранила запись в двух разделах памяти и установила сигнал на шесть утра. До первого круга оставалось семь часов. За это время она могла проверить тепловой контур стены, найти источник третьего сетевого пакета и выяснить, кто имел доступ к её анкете.

Она закрыла экстренный канал, не отправив сообщение.

В коридоре раздался один короткий стук.

Мира не ответила.

Глава 2. Палата хора

Утром дверь западного крыла выглядела обыкновенной. Серая створка, красная полоса считывателя, тонкая царапина у ручки. Соляную борозду у порога кто-то стёр.

Мира пришла в шесть десять, опоздав к собственному сигналу на семь секунд. Механические часы над кроватью снова совпадали со служебным модулем. Ночная запись сохранилась, но третий сетевой источник исчез. Она провела ладонью по стене: тепловой контур был равномерным, кроме холодного прямоугольника на высоте колена.

За стеной помещалось что-то размером с книгу.

Мира опустилаcь, будто поправляла ремень туфли, и заметила в шве плитки прозрачную линзу. Объектив не был направлен в коридор. Он смотрел на дверь и, вероятно, измерял колебания створки. Рядом уходила под плинтус тонкая акустическая нить.

Техническое объяснение стука стало правдоподобнее. Не полнее — только правдоподобнее.

— Первый круг через двадцать минут, — сказала Эда из-за поворота.

Сегодня на её браслете горела зелёная точка.

— Вы всегда подходите бесшумно?

— Нет. Только когда человек очень старается услышать другое.

Мира выпрямилась.

— Ночью вы сказали сообщить о различимом звуке.

— Вы что-то различили?

— Вентиляцию.

Эда кивнула. Ни разочарования, ни облегчения.

— Тогда расскажите об этом на круге, если сочтёте важным.

— А если не сочту?

— Мы получим другой материал.

Комната первого круга называлась палатой хора. На табличке слово «палата» было старым, выцветшим, а «хора» нанесли недавно. Внутри стояли восемь кресел и ни одного медицинского прибора. Круг замыкало пустое место. Под потолком тянулись узкие деревянные планки, похожие на акустическую отделку концертного зала.

Мира выбрала кресло спиной к стене. Нана села напротив, рядом с Асей, чтобы та видела лица. Тимур проверил ножки своего кресла и обнаружил под одной мягкой датчик давления.

— Началось, — сказал он.

— А вы ожидали, что нас будут измерять обещаниями? — спросил Борис.

— Я ожидал перечень устройств в согласии.

— Там есть «неинвазивная регистрация телесных реакций», — сказала Лада.

— Это не перечень.

Глеб занял кресло с маленькой цифрой один. Остальные кресла не были пронумерованы. Он заметил это только после того, как сел, и теперь поглядывал на пустое место, словно кто-то нарушил последовательность.

Вошёл мужчина в тёмном костюме без медицинской формы. Высокий, тяжёлый, с лицом человека, который мало спит и не считает это жертвой. Он не представился, пока не сел в восьмое кресло.

— Яромир Равн, руководитель программы. Слово «главврач» здесь используют по привычке. Сегодня мы не лечим и не ставим диагнозов. Мы выясняем, способны ли семь разных решений находиться в одной комнате, не превращая различие в угрозу.

— Семь? — спросила Нана. — Нас шестеро.

Все посмотрели на Миру.

— Семеро, — поправила Нана. — Я всё ещё не проснулась.

Равн перевёл взгляд на пустое кресло.

— В круге всегда остаётся место для отсутствующего участника. Того, кто отказался, не приехал или ещё может изменить решение.

Мира почувствовала, как напряглись плечи. Слишком удобная формулировка для учреждения, где исчез Лев.

— Красиво, — сказал Борис. — А практически?

— Практически пустое место не даёт группе считать единодушие полным.

— Вы заранее предполагаете единодушие?

— Я заранее предполагаю соблазн его объявить.

Равн предложил каждому открыть вчерашнее утверждение. Можно было отказаться, но тогда участник наблюдал бы за кругом, не влияя на общий прогноз. Первым заговорил Глеб.

— «Если процедура утверждена, её выполнение безопаснее самовольного решения».

— При любых условиях? — спросил Тимур.

— Утверждённая процедура содержит больше проверок, чем личное впечатление.

— Это не ответ.

— Это достаточный ответ.

На стене за Глебом проступило влажное пятно размером с ладонь.

Нана подалась вперёд.

— Вы это видите?

— Конденсат, — сказал Тимур.

— Я не спрашивала, что это.

— Тогда да.

Лада открыла своё утверждение: «Решение может созреть без моего участия». Она призналась, что годами откладывала переселение матери из опасного района, надеясь, что появятся новые данные. Когда решение приняли за неё, район уже закрыли, а мать три месяца жила в эвакуационном центре.

— Вы верите в созревание или прячете в нём отказ? — спросил Борис.

— И то и другое. Я не умею различать заранее.

Влажное пятно за Глебом вытянулось к её креслу узкой полосой.

Борис сказал: «Прошлое меняется, даже когда документы остаются прежними». Его уволили за две несовместимые версии школьного протеста. В одной ученики спасли архив от пожара, в другой сами устроили возгорание, чтобы уничтожить результаты экзаменов. Борис преподавал обе версии как равноправные.

— Но одна же ложная, — сказал Тимур.

— Возможно, обе. Я не утверждал, что они истинны. Я утверждал, что город действовал так, словно истинна сначала одна, потом другая.

— Вы учили детей не различать факт и применение факта.

— Я учил замечать, кто платит за различие.

Равн не вмешивался. В деревянных планках под потолком едва слышно щёлкнуло реле.

Тимур поднял голову.

— Там микрофоны.

— Там акустические датчики, — сказал Равн.

— Разница рекламная.

— Микрофон сохраняет речь. Датчик регистрирует частоту, силу и направление колебаний.

— Он способен сохранить речь?

— При другой настройке — да.

Тимур встал, но Лада напомнила ему его же правило: сначала решить, меняет ли открытие ближайшее действие. Он сердито сел.

Его утверждение было коротким: «Сеть лжёт». Климатическая система, которую он обслуживал, однажды показала безопасный коридор для рабочего каравана. Тимур отменил ручную проверку. Две машины провалились в размытый грунт; никто не погиб, но он перестал верить агрегированным прогнозам и теперь проверял всё локально.

— И всё же приехали автобусом по дороге, рассчитанной сетью, — заметил Равн.

— Водитель смотрел вперёд.

— То есть вы доверились человеку, который мог ошибиться.

— Человека можно спросить.

— Сеть тоже. Вам не понравится, сколько у неё ответов.

За Тимуром стена осталась сухой. Зато под его креслом завибрировал пол. Он нагнулся и приложил пальцы к плитке.

— Привод, — сказал он. — Здесь всё устроено как дешёвый аттракцион.

— Значит, вам легче? — спросила Нана.

— Значит, я могу это разобрать.

Нана открыла утверждение: «Красота предупреждает раньше приборов». Во время обрушения защитного купола она заметила, что закат стал «неправильно зелёным», увела учеников из мастерской и спасла их. Датчики объявили тревогу через четыре минуты.

— Цвет изменился из-за аэрозоля, — сказал Тимур. — Это и был прибор, только вашим датчиком оказался глаз.

— Тогда почему вы спорите?

Он помолчал.

— Потому что в следующий раз красивым покажется что-нибудь безопасное.

— Поэтому я не веду людей каждый раз. Я сказала, что красота предупреждает, а не приказывает.

Ася следила за губами, иногда касаясь выключенных слуховых мембран. Когда очередь дошла до неё, она вынула карточку и положила на колени.

— «Молчание не принадлежит тому, кто слышит».

Борис наклонился, чтобы она видела его лицо.

— Это метафора?

— Нет. Когда человек говорит рядом со мной и думает, что я не слышу, он считает слова своими. Но они уже меняют то, что я сделаю. Даже если я прочитала только половину.

— Почему это нельзя доказать?

— Потому что вы всегда можете сказать, что я поняла неправильно.

Она повернулась к Нане. На стене за ними появилась тонкая трещина. Мира заметила, что край трещины слишком ровный. Не штукатурка — подвижный шов.

Внутри кресел стояли датчики давления. В потолке — акустические сенсоры. В стенах — капиллярная система, способная выводить влагу в нужных местах. Пол мог вибрировать. Подвижный шов изображал трещину. Дом отвечал не убеждениям, а сигналам, которые персонал заранее сопоставил с анкетами.

Оставалось выяснить, как запускается постановка и зачем Равн допускает столь лёгкое обнаружение.

— Мира? — сказал он.

Она не открыла утверждение.

— Наблюдаю.

— Тогда сформулируйте наблюдение.

— Вы скрыли датчики, но не слишком хорошо. Кресла снимают давление и пульс через микродвижения. Потолок регистрирует голос. В стенах есть капилляры и подвижные панели. Реакции комнаты поставлены так, чтобы казаться связанными с речью.

Глеб оглянулся на влажное пятно. Лада убрала руку с подлокотника. Нана, напротив, рассматривала трещину с любопытством.

— Что из этого мы скрывали? — спросил Равн.

— Расположение и способ отклика.

— В согласии указана регистрация реакций среды.

— Не указано, что среда будет имитировать ответ.

— Она не имитирует. Она преобразует измерение в видимый сигнал.

— Семантическая уловка.

— Возможно. Изменяет ли она истинность сказанного Глебом?

— Не имеет к ней отношения.

— А его решение следовать процедуре?

— Может подтолкнуть.

— Вот к этому она имеет отношение.

Мира собиралась ответить, когда почувствовала лёгкое касание к запястью. Ася смотрела на неё.

— Не говорите, — сказала она.

— Что?

— Фразу про брата.

В комнате стало тихо.

Мира не произносила ни слова о брате. Не вводила его имя вслух, не открывала утверждение, не показывала карточку. Она проверила лица: Нана удивлена, Тимур насторожен, Борис слишком внимателен, Эды в комнате нет. Равн не пошевелился.

— Какую фразу? — спросила Мира.

Ася побледнела.

— Вы сказали: «Если Лев жив, он не простит».

— Я ничего не сказала.

— Сказали.

— Ты смотрела на неё, — мягко произнесла Нана. — Может, прочитала движение губ?

— Губы не двигались.

— Тогда откуда имя? — спросил Тимур.

Ася сняла мембраны и положила их на ладонь.

— Оттуда.

— Они были выключены.

— Поэтому и слышала.

Тимур попросил устройство. Ася не дала. Он не настаивал, но пересел ближе. Мира восстановила последние секунды: она действительно подумала, что Лев не простил бы ей участие в таком спектакле. Формулировка была другой. Или она теперь подменяла мысль, защищая себя.

— В анкете было имя Лев? — спросил Равн.

— Моя анкета закрыта.

— Для группы. Система обрабатывает текст.

— Кто имел доступ?

— Контур и два оператора режима конфиденциальности. Я не видел.

— Удобно.

— Опасно, — поправил Равн. — Поэтому доступ журналируется.

— Покажите журнал.

— После круга.

— Сейчас.

— Сейчас у нас другая проблема.

Он повернулся к Асе так, чтобы она видела лицо.

— Вы уверены, что слышали голос Миры?

— Нет.

— Но назвали имя.

— Да.

— Вы готовы действовать так, словно сказанное истинно?

— Нет.

— Тогда пока достаточно.

Глеб резко поднял голову.

— Недостаточно. Нарушена конфиденциальность.

— Возможно.

— Процедура требует остановки.

— Процедура требует оценки угрозы.

— Неизвестный канал передачи — угроза.

— Для кого?

Глеб не ответил. Его пальцы снова дрожали.

Равн встал и погасил надписи на стенах. Влажные пятна начали исчезать. Трещина закрылась. Комната стала обычной, и от этого выглядела подозрительнее.

— Сейчас каждый из вас хочет узнать, что произошло, — сказал он. — Мира хочет журнал доступа. Тимур — разобрать мембраны. Глеб — применить правило остановки. Борис, вероятно, собирает версии. Нана наблюдает форму страха. Лада ждёт. Ася хочет, чтобы ей поверили, но не желает отвечать за последствия чужой веры.

— А вы хотите продолжить программу, — сказала Мира.

— Да. Потому что на материке через шесть часов климатическая сеть выберет маршрут охлаждения для трёх районов. Наш тестовый прогноз имеет малый вес, но он реальный. Если круг распадётся, система заменит его архивной моделью. Архивная модель надёжнее сегодня и опаснее при изменении ветра.

— Вы привязали процедуру к городской сети до получения согласия группы?

— Все подписали согласие на тестовые прогнозы.

— Не на мистический спектакль.

— Согласен. Поэтому предлагаю не верить мне. Предлагаю выбрать действие, ошибка которого обойдётся дешевле.

На стене появилась карта. Три ветви охлаждающего маршрута расходились к прибрежным районам. Одна сэкономила воду, но проходила рядом с зоной просадки. Вторая требовала остановить две фабрики. Третья оставляла без охлаждения больничный архив препаратов. Данных о ветре не хватало.

— Это манипуляция срочностью, — сказала Мира.

— Да. Срочность часто манипулирует нами без моего участия.

— Мы пациенты, не диспетчеры, — сказал Тимур.

— Вы инженер сети. Остальные — источник независимых оценок. Ваш вклад будет меньше одной десятой процента.

— Тогда он не нужен.

— Малое влияние не равно отсутствующему.

Равн предложил каждому выбрать ветвь и назвать условие пересмотра. Не доказать предпочтение, а обозначить цену ошибки.

Глеб выбрал архивную модель, потому что процедура была утверждена. Тимур — остановку фабрик: экономический ущерб обратим. Нана выбрала маршрут у просадки, заметив

на карте изменение цвета грунта, которое могло означать, что опасная зона сместилась. Борис поддержал фабрики, но потребовал сохранить все три версии прогноза. Лада сначала отказалась выбирать, затем сказала, что её промедление уже поддерживает архивную модель. Ася выбрала больничный архив и условие немедленного отзыва, если температура хранилища приблизится к пределу.

Мира видела изъян: варианты были сформулированы так, чтобы группа сочла остановку фабрик нравственно чистой. Не указывалось, что именно производят фабрики и кого затронет остановка.

— Четвёртая ветвь, — сказала она. — Дайте локальным диспетчерам три прогноза и право менять маршрут по собственным датчикам. Наш вес распределить поровну, не сводя к одному решению.

— Контур принимает только согласованный выход, — сказал Равн.

— Тогда контур плохо устроен.

— Сейчас другого нет.

— Есть отказ участвовать.

Ася посмотрела на неё, затем на карту.

— Я отзываю выбор, — сказала она. — Пока мне не объяснят, откуда пришло имя.

Глеб вскочил.

— Тогда результат недействителен.

— Результата ещё нет, — ответила Лада.

— Круг должен завершиться.

— Почему? — спросила Нана.

— Потому что начался.

Тимур встал между Глебом и Асей, хотя Глеб к ней не приближался. Это движение изменило комнату сильнее всех слов: Глеб отступил, Ася спрятала мембраны, Нана закрыла футляр, лежавший у ног. Борис перестал улыбаться.

Мира поняла, что Равн добился своего. Их убеждения стали действиями, а действия — отношениями. Теперь любой выбор имел свидетелей.

— Не будем выдавать единодушие, — сказала она. — Пять голосов за разные ветви, один отзыв, одно предложение изменить устройство. Передайте именно это.

— Сеть отвергнет пакет, — сказал Равн.

— Тогда мы узнаем цену её неспособности принимать разногласие.

Тимур неожиданно кивнул.

— И цену архивной модели.

Лада подняла руку.

— Я поддерживаю передачу несогласованного пакета. Не потому, что считаю его безопасным. Потому что иначе моё промедление снова посчитают согласием.

Борис согласился при условии, что все варианты останутся в журнале. Нана — если к пакету приложат её наблюдение о цвете грунта без оценки достоверности. Глеб отказался. Ася подтвердила только отзыв.

Равн смотрел на них долго, затем провёл ладонью по стене. Карта исчезла.

— Передам несогласованный пакет вручную, — сказал он. — Он не войдёт в контур, но попадёт локальным диспетчерам как комментарий. Архивная модель запустится автоматически.

— Значит, вы всё равно получили своё, — сказала Мира.

— Нет. Я получил семь условий, при которых вы не считаете действие общим. Это ценнее согласия, хотя сегодня почти бесполезно.

Глеб вышел первым. У двери он остановился и сказал, не оборачиваясь:

— Если архивная модель ошибётся, виноват будет тот, кто отказался завершить круг.

Ася прочла фразу по отражению в стекле.

— Нет, — ответила она. — Виноват будет тот, кто сделал систему без места для отказа.

После круга Тимур попросил у Аси разрешения осмотреть мембраны. На этот раз он сначала объяснил, что будет искать, и пообещал остановиться по первому жесту. Ася согласилась. Лада пошла с ними как свидетель. Нана осталась рисовать закрывшуюся трещину. Борис сообщил Мире, что её четвёртая ветвь была не решением, а способом не выбирать, но всё же сохранила чужие решения.

— Для первого утра неплохо, — добавил он.

Равн ждал у стены с открытым журналом доступа. В нём значились два оператора и автоматический контур. Ночью к анкете Миры обращался только контур — ровно в то время, когда за стеной прозвучал первый удар.

— Имя могло попасть в мембраны через внутреннюю сеть, — сказала Мира.

— Могло.

— Тогда это утечка.

— Если Ася слышала мембраной.

— А если нет?

— Тогда у нас недостаточно данных.

Он произнёс это без насмешки. Мира ненавидела ответ именно за его честность.

— Я хочу схему датчиков и доступ к журналам западного крыла.

— Схему получите сегодня. Западное крыло — после оценки безопасности.

— Чьей безопасности?

— Вашей и того, что вы там надеетесь найти.

Мира приблизилась к нему.

— Вы знаете, кто такой Лев?

— Знаю много людей с этим именем.

— Это уклонение.

— Да.

Он ушёл, оставив журнал открытым ещё на несколько секунд. Внизу экрана Мира заметила строку, которую Равн не показал: несогласованный пакет уже приняли два локальных диспетчера. Один изменил маршрут охлаждения в соответствии с наблюдением Наны. Второй сохранил фабрики включёнными, но усилил контроль просадки.

Круг не дал общего прогноза. И всё же люди на материке начали действовать иначе.

Мира скопировала номер пакета на внутреннюю сторону карточки. Потом закрыла журнал.

За стеной палаты хора проступило семь влажных пятен. Восьмое осталось сухим.

Глава 3. Сухой бассейн

Схему датчиков принесли после завтрака на листе плотного серого пластика. Она лежала у Миры под дверью, скрученная в трубку и перехваченная белой лентой. Ни подписи, ни номера выдачи. Только её здешняя фамилия — Ланская — была выведена на ленте чернилами, которые ещё пахли металлом.

Мира разложила схему на кровати. Палата хора оказалась прозрачной: микрофоны, тензодатчики, капилляры, приводы подвижных швов. В легенде не было ни одного устройства, способного передать голос в выключенные слуховые мембраны. Западное крыло обрывалось ровной белой полосой с пометкой «вне действующей конфигурации».

Она сфотографировала лист служебным модулем, сравнила контрольные метки и нашла две ошибки. Один сенсор был обозначен одновременно акустическим и температурным. Канал кресла Аси уходил не к общему регистратору, а к узлу с пустым названием. Ошибки могли быть приманкой: поправишь — покажешь, что умеешь читать внутренние схемы.

В дверь постучали дважды, без паузы.

Тимур стоял в коридоре с отвёрткой за ухом. После вчерашнего круга он сменил санаторную рубашку на рабочую куртку климатической сети, выцветшую на плечах. На нагрудном клапане темнел прямоугольник от снятого знака допуска.

— Равн прислал вам схему? — спросил он.

— Вы проверяете доставку?

— Проверяю, насколько он хочет, чтобы вы что-нибудь нашли.

— И насколько?

— Достаточно, чтобы показать не тот бассейн.

Мира не спросила, о каком бассейне речь. Свернула схему, заперла в чемодане и пошла за ним.

Они спустились ниже столовой. Здесь санаторий терял привычку притворяться жилым: стены были залиты одним швом, вдоль пола тянулись трубные каналы, а свет включался с опозданием, будто сначала оценивал необходимость людей. На двери с выцветшей надписью «ГИДРОТЕРАПИЯ» висела свежая пломба. Тимур приложил карточку. Пломба не разорвалась — втянулась в паз и через секунду появилась снова с другой датой.

— У пациентов есть такой допуск? — спросила Мира.

— У инженера сети есть допуск к резервной воде. Пока меня не уволили окончательно.

— Вас отстранили, а не уволили.

Он оглянулся.

— Значит, вы читали моё дело.

— Ваша куртка говорит громче дела.

— Куртка говорит, что я не умею выбрасывать вещи.

За дверью пахло известью и холодным железом. Сухой бассейн занимал весь зал. Белая чаша уходила вниз уступами, слишком глубокими для купания. По стенам тянулась тёмная ватерлиния на высоте второго яруса. На дне лежали три узкие лужи, каждая не больше ладони, и отражали потолочные лампы так чётко, словно глубина у них была иной.

— Резервуар пожарного и питьевого запаса, — сказал Тимур. — Когда водохранилище ещё было водохранилищем, сюда подавали воду самотёком. Теперь её собирают из конденсата и ночной росы. По норме должно быть сорок восемь кубов.

— Здесь ноль.

— Ноль целых семь сотых. В трубах.

Он подвёл её к шкафу управления. Экран показывал схему чаши и красную надпись: «ОСНОВНОЙ УРОВЕНЬ НЕДОСТУПЕН». Ниже шли четыре независимых измерения: масса

на опорах, влажность воздуха, поток в подающей трубе и акустическая глубина. Все подтверждали пустоту.

— Санаторий нарушает пожарный норматив?

— Норматив заменён аэрозольным тушением. Питьевую воду держат в башне. Этот объём исключён из баланса двенадцать лет назад, но датчики не сняли.

— Зачем вы меня привели?

Тимур открыл журнал. На графике почти ровная линия иногда поднималась острыми зубцами. Последний зубец совпадал по времени с концом вчерашнего круга.

— Каждый раз, когда группа выдаёт согласованный прогноз, в чаше появляется вода.

— Вчера мы не выдали согласованный прогноз.

— Поэтому интересно.

Он увеличил участок. После ручной отправки несогласованного пакета масса резервуара выросла на сто восемьдесят три килограмма. Датчик потока зарегистрировал ноль. Влажность воздуха почти не изменилась. Акустическая глубина сократилась на два миллиметра, затем вернулась к прежней.

— Расхождение приборов, — сказала Мира. — Масса выросла, уровень нет.

— На четыре минуты. Потом акустика увидела воду. Потока по-прежнему не было.

— Конденсат на стенках.

— Сто восемьдесят литров за четыре минуты?

— Подземная ёмкость, байпас, неверная схема.

— Именно это я говорил первые три недели.

Он достал из шкафа прозрачный цилиндр с грузиком и тонким кабелем. Спустился по ступеням в чашу. Под его подошвами соль хрустела, хотя моря здесь не было уже полвека. Тимур поставил цилиндр возле центрального стока и подключил к переносному регистратору.

— Независимый уровнемер, — сказал он. — Без сети санатория. Пломба заводская. Можете проверить.

Мира спустилась к нему. Пломба была настоящей, но это доказывало только целостность корпуса. Она осмотрела кабель, питание, часы, очистила разъём собственной салфеткой. Тимур терпеливо ждал.

— Теперь прогноз, — сказал он.

— Какой?

— Любой, где результат станет известен скоро. Например: через десять минут в северной галерее включится аварийный свет.

— Вы можете включить его сами.

— Тогда предложите свой.

Мира выбрала событие, которое не зависело от санатория: до полудня над восточной мачтой пройдёт тень облака. Небо с утра было пустым, ветер шёл с юга, а ближайший облачный фронт, по открытому погодному каналу, находился в ста километрах.

— Вероятность? — спросил Тимур.

— Семнадцать процентов.

— Моя оценка — двадцать два. Согласуем двадцать?

— Это не согласование прогноза. Это усреднение двух чисел.

— Тогда назовите условие, при котором примете мою оценку.

— Покажите данные о высотном ветре.

Он вывел их на экран. На девяти километрах узкая струя несла облачность с запада быстрее, чем показывал общий слой. Мира пересчитала время.

— Двадцать четыре процента.

— Я принимаю двадцать четыре.

— Вы приняли моё число, а не доказательство.

— Я увидел ваше доказательство и изменил число. Вы предпочли бы, чтобы я спорил для чистоты опыта?

Регистратор на дне показывал ноль. Тимур предложил произнести итог одновременно. Мира отказалась.

— Совпадение звуков ничего не добавит.

— Для контура добавляет.

— Значит, контур считает согласованность ритуалом.

— Или временной меткой.

Они записали одно и то же утверждение на двух карточках и приложили их к считывателю шкафа. Экран спросил: «Допускаете отзыв?» Тимур выбрал «да». Мира задержала палец.

— Что будет, если я отзываю прогноз до полудня?

— Здесь — не знаю. В городской сети вклад пересчитают. Если отзыв поздний, система может уже передать действие диспетчеру.

— Тогда это не отзыв решения. Только исправление журнала.

— Иногда журнал — всё, что остаётся для следующего решения.

Она нажала «да».

В чаше ничего не произошло. Лампы не мигнули, трубы молчали. На переносном приборе сохранился ноль.

— Убедительно, — сказала Мира.

Тимур не ответил. Он смотрел на экран шкафа. Масса резервуара прибавила одиннадцать килограммов.

— Опоры реагируют на нас, — сказала она. — Мы стоим в чаше.

— Они вычитают нагрузку ступеней.

— Вычитают по модели. Модель ошиблась.

— Возможно.

Через минуту независимый цилиндр щёлкнул. На его дне выступила прозрачная капля. Она разрослась до выпуклого стеклянного глаза, сорвалась и растеклась по соли.

Мира присела. Вода выходила не из стока, а сквозь плитку вокруг прибора. Сначала по шву проступила тёмная нить, затем сразу в пяти местах поднялись бусины. Тимур отодвинул цилиндр. Показание не изменилось: два миллиметра.

— Подплиточная подача, — сказала Мира.

— На схеме её нет.

— На схеме западного крыла тоже ничего нет.

Она провела пальцем над водой, не касаясь. Капли продолжали собираться, хотя датчик потока показывал ноль. Можно было вывести тончайшие капилляры между плитками. Можно было подать воду из скрытой ёмкости без регистрации старого расходомера. Можно было заранее узнать, какой прогноз предложит Тимур, и связать считыватель с клапаном. Нельзя было пока доказать, что это сделано.

— Кто знает об этом месте? — спросила она.

— Равн. Эда. Техники. Все старшие операторы. Половина прежних пациентов, если им не изъяли память вместе с сомнением.

— Память не изымают.

— В документах — нет.

Тимур сел на сухую ступень. Вода дошла до края одной плитки и остановилась, будто соблюдала разметку.

— Первый раз я увидел сорок тонн, — сказал он. — После прогноза эвакуации. Семеро согласились, что северную дамбу закроют до шторма. Дамбу закрыли. Резервуар заполнился без расхода по магистрали. Я подписал акт о неисправности датчиков.

— Разумно.

— На следующий день чашу измерили вручную. Вода была. Чистая, с минерализацией башенного запаса. Мы откачали её в башню. Баланс башни вырос на тридцать девять тонн. Я подписал второй акт — о скрытом трубопроводе.

— Его нашли?

— Нет. Через неделю вода исчезла, пока я оформлял отбор проб. Баланс башни не изменился.

— Значит, кто-то подделал оба баланса.

— Да.

— Вы говорите это так, будто перестали верить.

— Я говорю это так, потому что устал доказывать правильную версию способом, который делает её бессмысленной.

Мира поднялась.

— Правильная версия не становится бессмысленной от проверки.

— Становится, если цена проверки выше цены ошибки.

— Удобная формула для тех, кто не хочет показывать трубы.

— А ваша формула удобна тем, кто никогда не отвечает за воду. Чтобы доказать подделку баланса, я остановил башню на сорок минут. В это время в жилом блоке ограничили душ, кухню перевели на запас, а Асе отменили промывание мембран. Я не знал, что она там. Мне был нужен чистый опыт.

— Вы должны были предусмотреть потребителей.

— Должен был. И предусмотрел известных. Неизвестный потребитель испортил проверку. Всегда находится неизвестный потребитель.

— Поэтому проверять не надо?

— Поэтому проверка — тоже действие над людьми. Вы всё время называете её наблюдением.

Он говорил негромко, но каждое слово будто укладывал в предназначенную ячейку. Мира вспомнила собственную подпись под ограничением доступа Льва. Тогда она тоже требовала чистого опыта: отстранить его от контура, исключить влияние, проверить обвинения без автора обвинений. Она предусмотрела известного потребителя. Брата в перечне последствий не было.

— Если вы хотите, чтобы я поверила воде, — сказала она, — зря. Вы показали эффект в помещении, которым управляете сами.

— Я не хочу, чтобы вы верили воде.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы вы увидели, почему я остался после отстранения. Если это мошенничество, оно встроено в сеть глубже, чем один санаторий. Если не мошенничество — тем более нельзя отдавать его Равну без проверки.

— Вы привезли меня сюда как аудитора?

Тимур посмотрел на неё без удивления.

— Нет. Но теперь спрашиваю как аудитора.

Тишина после этих слов была короче, чем ей показалось. Вода на плитке дрогнула и потянулась тонкой дорожкой к её ботинку.

— Кто вам сказал?

— Вы сами. Сначала назвали ручную передачу пакета изменением контура, потом заметили журнал, который пациентам не показывают. А утром проверили контрольные метки схемы. Ланская так не смотрит.

— Вы знаете Ланскую?

— Я знаю Карель.

Мира не отступила, хотя тело уже выбрало это движение.

— Где вы видели мою фамилию?

— В отзыве на проект Льва. Подпись была закрыта, но служебный код принадлежал вашему отделу. Он называл вас сестрой, когда злился, и аудитором, когда хотел быть услышанным.

— Вы работали с ним?

— Один день. Он приехал показать протокол отзыва. Равн спорил, что право выхода разрушит статистическую устойчивость. Лев сказал: система, которая не выдерживает отказа одного человека, не должна управлять городом. Наутро его доступа уже не было.

— А потом?

— Потом он оставил мне знак.

Тимур опустил на колени и поддел отвёрткой плитку рядом с центральным стоком. Мира схватила его за запястье.

— Не трогайте. Сначала снимок и положение.

— Вот теперь точно аудитор.

Она сфотографировала швы с масштабной сеткой, записала время и показания приборов. Плитка держалась не на растворе, а на четырёх магнитных замках. Под ней оказался технический карман, сухой и чистый. Ни капилляра, ни трубы. На бетонном основании были процарапаны три короткие линии, две длинные и снова три короткие.

Мира пересчитала дважды.

— Это может быть монтажная разметка, — сказал Тимур.

— Вы знаете, что нет.

— Знаю только то, что Лев показал мне такой знак на своей карточке. Сказал: если протокол отзыва уберут из проекта, искать нужно там, где вода появляется без решения системы.

— Почему вы молчали вчера?

— Потому что рядом с вами Ася назвала его имя. Я не знал, кто из вас приманка.

— И теперь знаете?

— Нет. Теперь цена молчания выросла.

Под знаком темнело круглое углубление. Мира просветила его модулем. Внутри лежал тонкий металлический диск без маркировки. Она не стала доставать.

— Нужен контейнер и свидетель, — сказала она.

— Позовём Равна?

— Нет.

— Тогда ваша проверяемость уже стала выборочной.

— Сохранение уликового материала до выяснения цепочки доступа — нормальная процедура.

— Любое недоверие звучит красиво, если у него есть бланк.

Мира вернула плитку на место. Вода вокруг уже исчезала. Не стекала в слив, не впитывалась заметно — просто отступала по тем же швам, оставляя соль сухой. Независимый датчик снова показал ноль.

Сверху раздался сигнал внутренней связи.

— Мира Ланская, — произнёс голос Эды. — Подойдите к северному посту. Получен ответ на ваш запрос об эвакуации.

Тимур медленно выпрямился.

— Вы запросили эвакуацию?

— Вчера, до круга. Автоматический запрос по признаку нарушения конфиденциальности.

— Следующий автобус через восемь дней.

— При подтверждённой угрозе приходит служебный катер с мачты.

— Значит, у вас есть выход.

— Процедура доступа, — поправила Мира.

— Разница важна?

— Разница всегда важна.

На северном посту Эда ждала у открытого шлюза. За стеклом белело дно водохранилища, по нему двигалась узкая тень климатической мачты. На экране горела зелёная строка: «ЭВАКУАЦИЯ ДОСТУПНА ДО 14:20». Основание — несоответствие условий информированного согласия и возможная компрометация медицинского устройства. Катер мог принять одного человека. Отказ не отменял право на следующий автобус.

— Равн одобрил? — спросила Мира.

— В этой процедуре его одобрение не требуется, — ответила Эда. — Я должна объяснить последствия. Вы покинете программу. Собранные данные изолируют до расследования. Возвращение возможно только по новому согласию. Жалоба уйдёт внешнему инспектору вместе с журналом доступа.

— Полным журналом?

— Тем, который система считает относящимся к инциденту.

— Значит, неполным.

— Я не могу обещать полноту.

Эда протянула ей карточку подтверждения. На обороте было достаточно места для подписи и причины отказа.

Мира представила катер: тесную кабину, связь с материком, знакомый порядок служебных запросов. Через час она могла поднять внешний аудит, заморозить программу, изъять журналы. Могла назвать себя и перестать зависеть от разрешений Равна. Это был правильный путь. Доказуемый. Он же давал санаторию час на очистку старого контура и превращал металлический диск под плиткой в ничем не подтверждённый рассказ пациента.

— Кто увидит мой ответ? — спросила она.

— Контур, диспетчер катера и я.

— Равн?

— Позже.

За стеклом тень мачты коснулась восточного корпуса. Мира подняла взгляд. Высоко над мачтой возникло единственное тонкое облако. Оно шло с запада и ещё не достигло солнца.

Их прогноз с Тимуром мог сбыться. Или нет. До полудня оставалось сорок минут.

— Если я откажусь сейчас, запрос можно повторить?

— При новом основании. Это основание считается рассмотренным.

Цена решения была названа честно. Именно поэтому она ощущалась тяжелее ловушки.

Мира перевернула карточку и написала: «От эвакуации до следующего рейсового автобуса отказываюсь. Прошу сохранить основание запроса, журналы и право немедленного отзыва участия при новом риске». Затем добавила время и расписалась фамилией Ланская.

— Вы уверены? — спросила Эда.

— Нет.

Эда посмотрела на неё внимательнее.

— Это не обязательный ответ.

— Поэтому он точный.

Карточка ушла в щель. Зелёная строка погасла. Где-то далеко включился насос — или лишь устройство, звучащее как насос.

У выхода Мира встретила Тимура. Он не спросил, что она решила: посмотрел на пустой экран и понял.

— Из-за знака? — сказал он.

— Из-за цепочки доступа.

— Красивый бланк.

— И из-за знака.

Они дошли до лестницы молча. В окне восточного пролёта было видно мачту. Облако приблизилось, но тень его легла левее, на белое дно водохранилища. Потом край облака изменил форму, и на несколько секунд тень накрыла верхушку мачты.

Тимур посмотрел на часы.

— Одиннадцать пятьдесят восемь.

— Прогноз сбился.

— Да.

— Вода появилась до события. Значит, она реагировала не на истинность.

— На согласие.

— На регистрацию согласия.

— Это разные версии?

— Пока да.

Снизу, из-за plombированной двери, донёсся один короткий металлический удар. Потом ещё два. Пауза. Первый длинный удар начался, но оборвался на середине.

Тимур шагнул к двери.

Мира удержала его.

— Не сейчас. Сначала контейнер, независимый свидетель и копия журнала.

— А если там человек?

Это был вопрос, ради которого любая процедура становилась недостаточной.

Мира отпустила его руку, сняла со стены аварийный переговорник и нажала вызов. Индикатор показал исправную линию, но в ответ слышался только слабый шум воды.

— Если там человек, — сказала она, — мы откроем дверь. Но сначала сделаем так, чтобы после открытия он не исчез из записи.

Тимур кивнул не сразу. Вместе они пошли за Эдой.

За их спинами плomba на двери сухого бассейна сменила дату ещё раз.

Глава 4. История, которой не было

Эду нашли в комнате расходных материалов. Она стояла между шкафами с пломбами и считала вслух прозрачные контейнеры, будто от точности счёта зависело, останется ли один из них настоящим.

— Нужны вы, контейнер для вещественного материала и доступ к сухому бассейну, — сказала Мира.

Эда не спросила зачем. Закрыла ящик, записала число на бумажной ленте и только потом посмотрела на Тимура.

— Вы вскрывали плитку?

— Приподняли после фиксации, — ответила Мира. — Предмет не трогали.

— Я спрашивала его.

— Вскрывал я, — сказал Тимур. — Остановила она.

Эда достала контейнер, две пары перчаток и серую карточку свидетеля.

— Дверь бассейна не заперта. Пломба регистрирует вход, но не препятствует ему.

— Дата на пломбе меняется, — сказала Мира.

— Значит, регистрирует что-то ещё.

Такой ответ мог быть признанием или способом не признаться ни в чём. Мира включила служебный модуль, сняла непрерывную запись от шкафа до двери и заставила Эду называть время. Их часы расходились на четыре секунды. Тимур показал свои: ещё минус две.

У бассейна было сухо. Плитка, под которой лежал диск, ничем не отличалась от соседних. Влага исчезла без белого ободка и без следа на соли. Эда приложила карточку свидетеля к пломбе. На ней возникло: «Вход подтверждён. Три участника». Строкой ниже — «Предыдущее открытие: сегодня, 12:04».

— Мы ушли отсюда раньше, — сказал Тимур.

Мира сверилась с записью. В 12:04 они стояли на северном посту, и Эда принимала её отказ от катера.

— Кто открыл дверь?

— Пломба не хранит имя, — ответила Эда.

— Тогда что она подтверждает?

— Событие открытия.

— Без субъекта это не журнал. Это декорация причинности.

— Иногда субъектом считается помещение.

Тимур усмехнулся, но Эда говорила без иронии.

Они повторили снимки швов, меток и углубления. Мира сама подняла плитку в перчатках. Диск лежал там же — тонкий, матовый, размером с ноготь большого пальца. На одной стороне не было ничего. На другой проявилась едва заметная сетка, когда Тимур направил боковой свет.

— Оптическая память, — сказал он. — Старый служебный формат.

— Чем читается?

— В архиве был сканер. Если Равн его не выбросил.

Мира опустила диск в контейнер. Эда защёлкнула крышку и приложила палец к серой карточке. Тимур сделал то же. Когда настала очередь Миры, карточка вывела фамилию «Ланская» и попросила подтвердить личность.

Она не прикоснулась.

— Свидетель подтверждает присутствие, — сказала она. — Не биографию.

— Без третьей подписи контейнер останется внутри санатория, — объяснила Эда.

— С вашей и Тимура он тоже останется внутри.

— Но будет считаться материалом программы. Иначе — найденной вещью.

Мира смотрела на пустое место для пальца. Система снова предлагала простой обмен: ложное имя за сохранённую улику. Отказ выглядел честнее, но превращал диск в мусор, который любой мог вернуть под плитку.

Она приложила палец.

Карточка мигнула: «Код свидетеля подтверждён». Фамилия осталась прежней, зато под ней возникла строка, которой не было секунду назад: «Внешний допуск: К-17».

Мира закрыла экран ладонью.

— Что такое К-17? — спросил Тимур.

— Ошибка сопоставления.

Эда уже видела. Лицо её не изменилось, но контейнер она взяла обеими руками.

— Сканер находится в старой учебной комнате. Доступ к нему у Равна.

— А у помещения? — спросила Мира.

— После полудня у нас круг Бориса. Если дом решит участвовать, вы всё равно услышите.

Она унесла диск.

Мира проводила контейнер взглядом до поворота коридора. Потом сказала Тимуру:

— Сделайте три копии нашей записи и хеши до конца круга. Одну оставьте вне общего хранилища.

— Где здесь «вне»?

— Найдите место, которое система считает слишком старым, чтобы учитывать.

— Например, меня.

— Вы слишком разговорчивы для надёжного носителя.

— Это первое доброе, что вы мне сказали.

— Это не было добрым.

— Поэтому и поверил.

В палате хора кресла переставили. Теперь они стояли двумя неровными рядами, как в школьном кабинете, а на стене висела свёрнутая карта. Борис Орда ждал у окна в тёмной рубашке с застёгнутыми манжетами. Перед ним лежали три одинаковых конверта.

— Сегодня я должен внести недоказуемое утверждение, — сказал он, когда все собрались. — Но я не хочу сообщать его заранее машине.

Равн занял место у двери, не в круге.

— Машине безразлично содержание, — сказал он.

— Тогда ей будет нетрудно обойтись без него.

Борис раздал конверты. Первый достался Нане, второй Ладе, третий Мире. Бумага была плотной, края заклеены старым клеем. На конверте Миры стояла цифра «2».

— В двух конвертах истории, — продолжил Борис. — В одном пустой лист. Прочитайте молча. Не показывайте соседям.

Мира вскрыла свой. Внутри было четыре абзаца, напечатанных на переносной машинке.

В первой версии Борис преподавал в школе на южной окраине Талого. Во время эвакуационной недели он отказался заменить урок истории инструктажем по гражданскому согласию. Директор потребовала объяснительную. Борис вместо неё прочитал детям список прежних эвакуаций, в которых официальные сроки менялись задним числом. Его уволили за нарушение режима тревоги. Через месяц школу затопило из-за ошибочного прогноза.

Последняя строка была подчёркнута: «Я потерял работу, потому что не позволил настоящему притвориться неизбежным».

Мира перечитала даты. Одна не сходилась: эвакуационная неделя начиналась после указанного урока. Ошибка могла быть намеренной.

Нана быстро сложила лист. Лада читала долго, ведя пальцем под строками. Ася сидела рядом с мембраной, но сегодня не включала её. Глеб смотрел на конверты так, будто уже знал, в каком нарушено правило.

— Теперь я расскажу, — сказал Борис.

Он не стал пересказывать текст Миры.

В его устной версии директор сама просила оставить обычный урок: детям требовался знакомый распорядок. Борис отказался. Он вывел класс на крышу, чтобы показать движение климатических мачт и научить отличать общественное решение от физического факта. Один ученик снял урок на внутреннюю сеть. На записи Борис назвал предстоящую эвакуацию политическим спектаклем. Началась паника. Два автобуса ушли раньше, один попал в пылевую яму. Никто не погиб, но девять человек получили травмы. Борису предложили дисциплинарный отпуск. Он потребовал увольнения, потому что не хотел, чтобы школа называла наказание заботой.

— Моё утверждение, — закончил он, — звучит так: меня уволили за правду.

Несколько секунд палата оставалась обычной комнатой. Потом под картой проступил свет. Тонкая полоса прошла по стене на высоте детского роста, огибая кресла. За панелями послышался негромкий гул, похожий на далёкий школьный звонок.

Глеб выпрямился.

— Контур принял утверждение.

— Контур отреагировал, — поправила Мира. — Принятие — ваша интерпретация.

— Реакция положительная.

— Где шкала знака?

Глеб указал на полосу света, будто её цвет был ответом.

— Она белая.

— А отрицательная какого цвета?

— Мы ещё не видели отрицательной.

— Значит, вы видели только события и назначали им смысл после.

Равн не вмешался. Он наблюдал за Борисом.

— Прочитайте конверты вслух, — сказала Мира.

Нане досталась версия, которую Борис только что рассказал. Совпадали даже девять травмированных и фраза о наказании-заботе. У Лады оказался пустой лист.

— А у вас? — спросил Борис Миру.

Она прочла первую историю. При словах о затопленной школе полоса под картой стала ярче. Гул повторился — тот же интервал, та же длительность.

— Второй отклик, — тихо сказала Нана.

— На несовместимую причину увольнения, — сказала Мира.

— Причина совместима, — возразил Борис. — В обеих версиях я мешал удобной лжи.

— В одной вы предотвратили подмену. В другой сами выдали предположение за факт и причинили вред.

— А увольнение в обеих случилось из-за правды, которую начальство не хотело слышать.

— Или из-за вашей потребности быть тем, кого увольняют за правду.

Борис улыбнулся. Улыбка была не обиженной, а почти благодарной.

— Вот поэтому я хотел, чтобы второй конверт достался вам.

— Вы не могли знать, где я сяду.

— Мог попросить дом.

Лада подняла пустой лист.

— Конверты лежали до нашего прихода. Мира сама взяла место.

— Дом мог попросить Миру.

— Тогда он плохо знает мой характер, — сказала Мира.

Под креслом Бориса щёлкнул привод. Световая полоса погасла. Через мгновение вспыхнула снова, в точности повторив путь.

Мира поднялась и подошла к стене. Между панелью и полом шёл оптический волновод. Один сегмент был заменён недавно: герметик ещё сохранял запах растворителя. Она провела модулем вдоль стыка. Передатчик обнаружился за картой — маленький, с локальной памятью и направленным динамиком.

— Отклик запущен заранее подготовленной последовательностью, — сказала она.

Борис не повернул головы.

— Кем?

— Это следующий вопрос.

Она сняла карту. Передатчик крепился на съёмной планке. На корпусе не было инвентарного номера, только три царапины у разъёма. Не знак Льва — обычная метка техника. Мира отключила питание. Световая полоса сразу погасла, гул оборвался.

— Дом больше не верит? — спросила Нана.

— Дом не отвечает. Отвечает устройство.

— Устройство тоже часть дома, — сказал Равн.

— Вы знали о нём?

— Я знаю, что палата использует акустические и световые подкрепления.

— Это не штатный модуль. Его нет на схеме, которую вы мне показывали.

— Полной схемы я вам ещё не показывал.

— Тогда любое отсутствие на ней бессмысленно.

— Именно поэтому я не называл её полной.

Мира подключила передатчик к служебному модулю через изолированный переходник. В памяти лежали две команды запуска. Обе были созданы утром, с разницей в двадцать семь секунд. Условие первой — завершение фразы «меня уволили за правду». Условие второй — слова «школу затопило». Записи голоса для распознавания были короткими, но достаточно чистыми.

— Кто произносил контрольные фразы утром? — спросила она.

Борис поднял руку.

— Я. Здесь. Эда сказала проверить акустику перед кругом.

Все посмотрели на Равна.

— Я не поручал такой проверки, — сказал он.

— Удобно, — заметил Тимур.

— И проверяемо. Эда сейчас на процедуре у Аси, но журнал её перемещений доступен.

— Журнал, который считает субъектом помещение? — спросила Мира.

Равн выдержал её взгляд.

— Вы можете отказаться от любых данных, которым не доверяете. Но тогда вам придётся признать, что отсутствие доверия не создаёт более точных данных.

Мира скопировала память передатчика. Метаданные были очищены, кроме времени. Обе реакции объяснялись полностью: Борис сам дал образцы фраз, устройство дождалось их повторения, свет и звук произвели впечатление одинакового отклика на две истории. Ни дому, ни контуру не требовалось знать, какая версия истинна.

— Эксперимент скомпрометирован, — сказала она. — Мы не можем делать вывод о реакции здания.

— А вывод обо мне? — спросил Борис.

— Пока только тот, что вы подготовили две версии и не сообщили, какая верна.

— Верна вторая.

Он указал на лист в руках Наны — историю о крыше, панике и ранних автобусах.

— Почему признались сейчас?

— Потому что первая красивее. Если бы дом выбрал её, вы бы решили, что он любит невиновных. Если бы выбрал вторую — что распознаёт вину. Он не выбрал. И я тоже долго не выбирал. Говорил первую жене, вторую комиссии, третью себе.

— Какую третью?

Борис сел. Теперь он выглядел старше, чем у окна: не из-за лица, а потому, что перестал держать спину учителя перед классом.

— Я хотел, чтобы меня уволили. Не из-за правды и не из-за наказания. Я устал принимать решения за детей, когда взрослые сами ничего не знали. На крыше я говорил осторожнее, чем записано в протоколе. Паника началась до моего урока. Автобус попал в яму не из-за записи — маршрут утвердили за сутки. Директор предложила отпуск, и я превратил его в увольнение, потому что мне требовалась причина уйти, которую можно уважать.

— Это документировано? — спросила Мира.

— Частями. Ни одного документа, где вся история была бы вместе, нет.

— Значит, вы снова даёте версию, удобную сейчас.

— Да.

Ответ разоружал хуже возражения.

Борис посмотрел на остальных.

— Я не знаю, за что меня уволили. Даже если собрать все журналы, останется вопрос, почему я настоял на худшем для себя. Моё недоказуемое утверждение не «меня уволили за правду». Оно другое: история поступка не существует до тех пор, пока мы не решим, кому она должна помочь.

— Это не утверждение, а теория, — сказал Глеб.

— Тогда: «Я ушёл не потому, что был прав».

Никакого света не возникло. Отключённый передатчик лежал в руке Миры.

И всё же в комнате прозвенел школьный звонок.

На этот раз звук шёл не от стены. Он возник в её служебном модуле — короткая восходящая последовательность, которой не было среди системных сигналов. Одновременно модуль завибрировал, записывая входящий звук.

Мира немедленно включила экран. Аудиоканал показывал локальный микрофон, сетевые соединения отсутствовали. На дорожке уже лежали слова Бориса и тонкая третья линия, начавшаяся за полсекунды до звонка.

— Тихо, — сказала она.

Комната замерла. Мира прокрутила последние десять секунд через внешний динамик.

Сначала голос Бориса: «Я ушёл не потому, что был прав».

Потом звонок.

А под ним — едва слышное дыхание и мужской шёпот:

— Код Карель — семнадцать. Не верь окончанию.

Никто не заговорил сразу.

Тимур подошёл ближе, но не коснулся модуля.

— К-17, — сказал он.

— Я слышала.

— Что означает семнадцать?

Мира отсоединила передатчик, выключила все беспроводные интерфейсы и вынула из модуля служебный ключ. Руки двигались точно, хотя внутри уже возникло узнавание. К-17 был не личным кодом. Так обозначался класс внешнего аудита, который существовал только во внутреннем регламенте её отдела. Лев знал этот регламент. Равн мог узнать. Эда увидела строку на карточке. Тимур — услышал минуту назад.

Но запись началась раньше.

— Это служебный класс, — сказала Мира. — Не идентификатор человека.

— А «Карель»? — спросила Нана.

Мира посмотрела на Равна. Он больше не изображал спокойного наблюдателя. Правая рука его сжимала край дверного проёма.

— Мира, — произнёс он, впервые без чужой фамилии. — Передайте модуль мне. Если канал неизвестен, он может компрометировать весь контур.

— Поэтому не передам.

— Вы принесли внешний служебный прибор в терапевтическую сеть под ложным именем.

— Прибор был изолирован.

— Только что он воспроизвёл голос, которого никто из нас не слышал в комнате.

— Это запись. Её могли внедрить раньше.

— Тогда тем более нужен карантин.

Глеб встал и освободил проход к двери.

— Инструкция требует изъять неизвестное устройство.

Тимур шагнул между ним и Мирой, как утром между Глебом и Асей.

— Инструкция санатория не распространяется на внешний аудит.

— Она не представилась аудитором.

— Теперь представилась запись.

— Запись не имеет полномочий.

— Наконец-то мы в чём-то согласны, — сказала Мира.

Она создала контрольную сумму файла и вывела её на бумажную ленту. Затем отдала ленту Ладе.

— Прочитайте последние четыре знака.

— Девять, «а», два, «ф».

— Запомните. Если файл изменят, сумма не совпадёт.

— Я плохо запоминаю под давлением.

— Тогда выберите сами, кому передать ленту.

Лада оглянулась и протянула её Асе. Та прочитала, сложила дважды и убрала в карман.

Равн отпустил дверной косяк.

— Вы превращаете пациентов в хранителей служебной улики.

— Я дала человеку право отказаться. Лада им воспользовалась.

— В комнате, где все смотрели на неё.

— Других комнат вы нам не оставили.

Борис поднял пустой конверт. Внутри на белом листе медленно проступала серая строка. Чернила шли от края к центру, будто бумага вспоминала написанное.

Нана прочитала первой:

— «История закончена там, где перестали хранить возможность её исправить».

Мира взяла лист за угол. Бумага была холодной и сухой. Текст мог проявиться от тепла, света, времени или команды передатчика. Формулировка почти повторяла слова из старого регламента отзыва: решение считалось закрытым, когда истек срок исправления журнала.

— Конверт всё время был у Лады, — сказал Борис.

— Пустой лист мог быть подготовлен заранее.

— Мог.

— Вы знали текст?

— Нет.

— Я вам не верю.

— Это освобождает вас от проверки?

Мира сфотографировала проявившуюся строку и вернула лист Ладе.

— Наоборот.

Она попросила всех по очереди назвать, что именно они слышали на записи. Нана различила только фамилию. Лада — «семнадцать» и последнее слово. Глеб слышал: «Код Карель семнадцать. Не верь окончанию». Тимур подтвердил ту же фразу. Ася без мембраны не слышала ничего, но, приложив ладонь к столу во время повторного воспроизведения, сказала, что перед звонком было три коротких вибрации.

Борис слышал другой текст.

— «Не верь оправданию», — сказал он.

— Там нет этого слова, — ответила Мира.

— В вашей записи — может быть. Я говорю, что услышал.

Она сохранила показания отдельно, не исправляя его. История события уже расходилась на глазах, и ни одна версия не была достаточно бесполезной, чтобы её отбросить.

Равн объявил круг завершённым. Никто не двинулся.

— Яромир, — сказала Эда от двери.

Она вошла так тихо, что Мира не заметила её появления. В руках у неё был контейнер с диском. Пломба на крышке оставалась целой.

— Сканер старой учебной комнаты включился сам. Контейнер был рядом, но закрыт. На экране одна строка.

— Какая? — спросил Равн.

Эда повернула контейнер. На прозрачной крышке отражался экран коридора, и в отражении можно было прочитать:

«СЛУЖЕБНЫЙ КОД К-17. ДОПУСК ОТОЗВАН».

Мира почувствовала не страх, а почти профессиональное облегчение. Кто-то наконец совершил действие, которое можно было зафиксировать: отозвал существующий допуск в конкретное время. У действия должен быть журнал, субъект или след обхода.

— Не выключайте сканер, — сказала она. — Никому не открывать контейнер. Тимур, копии записи. Эда, вы остаетесь свидетелем. Равн, покажете полный журнал допуска.

— А если не покажу?

— Тогда мы зафиксируем отказ рядом с сообщением об отзыве.

— И какую историю расскажете инспектору?

Мира посмотрела на Бориса. Он держал два несовместимых рассказа и пустой лист, на котором возникла третья формула. Возможно, весь круг был приготовлен для неё. Возможно, кто-то лишь воспользовался его экспериментом. Возможно, запись в её модуле ждала фразы, которой Борис случайно коснулся.

— Все, — сказала она. — По отдельности. С временем, источником и тем, чего каждая версия не объясняет.

В коридоре свет погас секция за секцией, оставляя путь к старой учебной комнате. Это мог сделать диспетчер освещения. Мог Равн. Могла Эда. Могла автоматика, реагирующая на открывшийся сканер.

Последней погасла лампа над картой. В темноте модуль Миры ещё раз коротко завибрировал: три раза, пауза, два раза.

Она не включила запись вслух.

Глава 5. Нулевая карточка

Старая учебная комната находилась за стеклянной перегородкой, которую Мира прежде принимала за стену. Свет в коридоре гас не для того, чтобы указать путь: просто каждая следующая секция питалась от линии за перегородкой, а включившийся сканер забирали у неё мощность.

Техническое объяснение было почти утешительным.

Равн открыл стекло ключом, не карточкой. Внутри стояли восемь парт, доска с выцветшей координатной сеткой и шкаф высотой в человеческий рост. На его дверце светилась строка: «СЛУЖЕБНЫЙ КОД К-17. ДОПУСК ОТОЗВАН».

— Не касайтесь консоли, — сказала Мира.

— Это моё оборудование, — ответил Равн.

— Тогда вам особенно важно не касаться его до фиксации.

Эда поставила запечатанный контейнер на крайнюю парту. Тимур снимал общий план. Ася осталась в коридоре с полоской контрольной суммы в кармане; остальные разошлись неохотно, унося три версии увольнения Бориса.

Мира сфотографировала экран, кабель питания, механический ключ Равна и пыль вокруг ножек шкафа. Перед правой ножкой тянулся свежий полукруг: шкаф недавно отодвигали.

— Когда сканер использовали последний раз? — спросила она.

— До закрытия старой программы, — сказал Равн. — Пять лет назад.

— А шкаф двигали?

— Здесь убирают.

Эда покачала головой.

— За шкафом не убирают. Он прикреплён к линии пола.

Равн взглянул на неё без гнева. От этого взгляда её возражение стало весомее: между ними существовал порядок, в котором она редко поправляла его при других.

Мира вывела журнал на экран только для чтения. Последнее событие датировалось сегодняшним днём, 13:41: отзыв К-17. Предыдущее — пять лет назад: «Консервация учебного узла». Между ними не было запуска, самопроверки, подачи питания и обращения к диску.

— Невозможный журнал, — сказал Тимур.

— Неполный, — поправила Мира. — Невозможность ещё надо заслужить.

Она запросила низкоуровневый счётчик включений. Сканер сообщил: четыреста восемьдесят два. В журнале значилось тридцать одно.

— Остальные записи удалены, — сказал Тимур.

— Или этот журнал никогда не предназначался для диагностики.

— Вы всегда оставляете преступнику второй выход?

— Пока он не закрыт доказательством.

Равн положил ключ на парту.

— К-17 не принадлежит санаторию. Это внешний класс. Мы не можем отозвать его.

— Экран считает иначе.

— Экран воспроизводит строку с носителя.

— Контейнер закрыт.

— Оптический диск читается сквозь прозрачный пластик.

Мира посмотрела на контейнер. Сетка на диске действительно была обращена вверх. Если сканер достаточно чувствителен, близость носителя могла запустить чтение без вскрытия. Оставалось объяснить, почему он включился до того, как Эда вошла в комнату.

— Вы принесли контейнер сюда сами? — спросила она.

— Поставила на стол у двери, пока искала вас. Экран уже горел.

— На каком расстоянии?

Эда показала: почти два метра.

Тимур нашёл под столешницей индукционную петлю. Провод уходил в стену и мог служить выносной антенной.

— Носитель попал в поле, сканер проснулся, — сказал он. — Никакой телепатии.

— И прочитал команду отзыва, записанную пять лет назад, — добавила Мира. — Если диск всё это время лежал под плиткой, событие сегодняшнее только для нас.

Равн молчал.

— Вы знали, что на диске? — спросила она.

— Предполагал.

— Что именно?

— Лев оставлял аварийные ключи там, где контур создавал ложный баланс. Он считал, что устойчивую систему следует снабжать способом отмены, неизвестным её операторам.

— Вам он не был неизвестен.

— Я знал принцип. Не места.

Мира записала ответ дословно.

— Почему Лев имел доступ к учебному узлу?

— Он работал с нами.

— Как пациент?

— Сначала как внешний консультант.

Это было первое прямое признание. Равн произнёс его спокойно, словно скрывал не факт, а лишь неподходящее время для факта.

— Кем он числился потом?

— В архиве разные записи.

— Я спросила вас.

— Потом — участником испытаний.

— Добровольным?

— В начале.

Эда опустила взгляд на контейнер.

Мира захотела спросить, когда участие перестало быть добровольным, но вопрос уже содержал версию ответа. Она вернулась к процедуре.

Диск извлекли при непрерывной записи. Сканер принял его и вывел три раздела: аварийный отзыв, таблицу прав и файл без названия. Первые два открывались. Третий требовал карту владельца.

В таблице напротив К-17 стояло: «Внешний аудит. Право остановки чтения. Право отделения копии. Нет права изменения исходного массива». В графе владельца было одно слово: «Карель».

— Это может быть моя фамилия или фамилия Льва, — сказала Мира прежде, чем Тимур успел посмотреть на неё.

— Код создавали для него, — ответил Равн. — Ваш отдел тогда не назначал другого аудитора.

— А сегодня карточка распознала его во мне.

— Потому что вы родственники. Или потому что принесли его служебный модуль.

— Модуль мой.

— Тогда остаётся первый вариант.

— Или кто-то связал мой профиль с кодом заранее.

Равн кивнул.

— Остаётся и он.

Чем охотнее Равн признавал разумные версии, тем труднее было поймать его на защите одной лжи. Мира отделила копию таблицы на чистый носитель. Сканер разрешил операцию и снова потребовал карту для безымянного файла.

— Какие карты здесь использовали? — спросила она.

— Сегодня выдадим текущей группе, — сказала Эда. — Именные карты доступа после первого круга и проверки согласия.

— После первого круга прошло утро.

— Из-за эвакуационного запроса выдачу отложили.

— Удобная задержка.

— Неудобная, — сказала Эда. — Я уже трижды объяснила Глебу, почему его карта ещё не действует.

Они перенесли процедуру выдачи сюда, чтобы проверить каждую карту на старом сканере и новом терминале. Эда принесла металлическую кассету. В семи ячейках лежали прозрачные прямоугольники с именами: Борис, Нана, Лада, Глеб, Ася, Тимур и Мира Ланская. Восьмая ячейка была пуста.

— Почему восемь? — спросила Мира.

— Кассеты стандартные.

Тимур перевернул её. На дне виднелся мягкий след, будто восьмую карту вынули недавно.

Эда провела карты через новый терминал. Каждая открывала жилое крыло, столовую, палату хора и медицинский пост по согласию владельца. Карта Миры дополнительно разрешала северный шлюз до следующего автобуса. Старый сканер на именные карты не реагировал.

Когда Эда закрыла кассету, из-под тканевой вкладки выскользнул восьмой прямоугольник.

На нём не было имени. Только прозрачное поле, в центре которого свет не преломлялся, словно часть материала отсутствовала, оставаясь на месте.

— Это не моя карта, — сказала Эда.

— Она была в вашей кассете.

— Кассету выдал автомат хранения.

Тимур поднял нулевую карту за края.

— Поверхность без следов.

— Положите, — сказала Мира.

Он подчинился.

Новый терминал показал: «Не выпущена». Старый сканер впервые погас. Через несколько секунд на нём возникла координатная сетка, та же, что была нарисована на доске.

— Карта владельца, — сказал Тимур.

— Или сервисная заготовка.

Мира наложила сетку с экрана на фотографию детского знака под плиткой. Три короткие, две длинные, три короткие линии совпадали не с кодом доступа, а с направлениями по клеткам. Если начать от пустого центра карты, путь заканчивался в нижнем левом углу.

Там проступила микроскопическая буква «Л».

Равн потянулся к карте. Мира накрыла её прозрачным контейнером.

— Вы её узнали.

— Узнал формат.

— Это ответ не на мой вопрос.

— Лев проектировал карты без постоянного владельца. Право должно было переходить к тому, кто обнаружит основание для отзыва.

— Почему вы их не используете?

— Потому что контур не может зависеть от случайного нашедшего.

- Поэтому зависит от вас.
- От должности, а не от личности.
- Должность носит ваше лицо уже одиннадцать лет.
- Равн посмотрел на Эду.
- Поместите карту в сейф до комиссии.
- Комиссия на материке? — спросила Мира.
- Внутренняя.
- То есть вы, Эда и человек, которого вы назначите.
- И вы, если раскроете полномочия.
- Мои полномочия только что отозваны вашим сканером.
- Сканером Льва.

Мира оставила карту под контейнером, позволила Эде опечатать его и подписала протокол «Ланская, К-17». Ложная фамилия рядом с настоящим классом доступа выглядела как задача, которую нельзя решить внутри одного бланка.

К вечеру Равн распорядился перенести контейнер в медицинский сейф. Мира не возражала. Она потребовала камеру, двух свидетелей и контроль веса. Сейф принял предмет, выдал квитанцию и закрылся.

В 19:10 Мира проверила журнал: контейнер числился внутри.

В 19:12 Тимур встретил её у лестницы западного крыла и молча протянул прозрачную карточку с пустым центром.

- Откуда?
- Из моей именной карты.
- Не смешно.

Он показал карту «Тимур Вей». Она состояла из двух тонких слоёв. Между ними осталась полость точно по форме нулевой карточки.

— Когда Эда прогоняла их через старый сканер, моя нагрелась, — сказал он. — Я разделил слои. Внутри была эта.

Мира не взяла её.

- В сейфе что?
- Либо вторая, либо пустая заготовка, которую нам показали как единственную.
- Вы разрушили выданное средство доступа.
- Разделил без повреждения. Могу склеить, если вам мешает форма преступления.
- Почему принесли мне?
- На ней появилась буква после того, как вы провели пальцем над сеткой. Она отвечает вам, не мне.

- Или нагревается от рук.
- Поэтому я держал щипцами.

На западной двери пломба показывала завтрашнюю дату. За ней оставался старый эксперимент, о котором Равн говорил только в прошедшем времени.

- Нужно вернуть карту в контейнер и зафиксировать подмену, — сказала Мира.
- Тогда Равн узнает, что у нас есть действующая.
- У нас нет доказательства, что она действует.
- Есть способ получить.

Тимур кивнул на дверь.

Мира слышала собственные правила так ясно, будто их диктовал третий голос: не нарушать цепочку, не активировать неизвестный ключ, не входить вдвоём в помещение с неопределённым риском. Каждое правило защищало и их, и будущую доказуемость. Каждое давало Равну время заменить содержимое сейфа, журналы и саму дверь.

- Сначала копии, — сказала она.

Они сняли карту с двух сторон, измерили толщину, записали время и отдали хеш снимков Асе через внутренний терминал без пояснения содержания. Потом Мира приложила пустой прямоугольник к пломбе.

Ничего не произошло.

— Сервисная заготовка, — сказала она, испытывая облегчение и досаду одновременно. Тимур перевернул карту буквой «Л» вниз.

Пломба вывела: «ВЛАДЕЛЕЦ НЕ ОПРЕДЕЛЁН. ПРАВО ОТЗЫВА СОХРАНЕНО».

— Не открывайте, если не готовы войти, — сказал он.

— Это должно быть написано на всех дверях.

Мира приложила палец к пустому центру.

Карта стала тёплой. Внутри прозрачного материала разошлись тонкие серые линии, повторяя папиллярный узор, но не копируя его. Пломба показала старое обозначение: «УЧЕБНЫЙ КОНТУР. УЧАСТНИК 0».

Дверь ушла в стену.

За ней не было западного коридора, который Мира видела на схеме. Узкая лестница спускалась под бассейн. Воздух пах железом и влажной бумагой. По стене тянулись провода в тканевой оплётке — слишком старые для нынешнего здания и слишком целые, чтобы быть заброшенными.

— Пять минут, — сказала Мира. — Не касаемся приборов. Если связь пропадает, возвращаемся.

— Вы сейчас установили правило после решения войти.

— Правила часто рождаются поздно. Важно, можно ли их отозвать.

Внизу находилась ещё одна учебная комната, точная копия верхней, только парты стояли кругом. На каждой лежала карточка с пустым центром. Семь были расколоты. Восьмая отсутствовала.

На доске сохранилась надпись мелом: «Согласие без права исправления — не согласие, а материал».

Под ней висел список участников первого испытания. Мира прочла имена дважды.

Яромир Равн — руководитель медицинской части.

Эда Меер — наблюдатель.

Тимур Вей — инженерный консультант.

Четыре строки были стёрты.

Последняя оставалась ясной:

Лев Карель — соавтор метода, держатель нулевого отзыва.

Не пациент.

В углу доски стояла дата шестилетней давности — за год до официального начала старой программы и за три месяца до того, как Мира подписала ограничение доступа брата.

Тимур прочитал дату и отступил.

— Я был здесь позже, — сказал он. — Этой комнаты не видел.

— Но ваше имя есть.

— В первый приезд я консультировал водный баланс. Равн показал верхний зал. Если список настоящий, меня записали участником без моего знания.

Мира сфотографировала доску. Модуль отказался сохранить кадр: «Нет права изменения исходного массива».

— К-17, — сказала она.

На центральной парте включился бумажный принтер. Из щели вышла узкая лента с тем же изображением доски и служебной отметкой: «Копия отделена владельцем отзыва».

— Значит, карта признала вас, — сказал Тимур.

— Признала действие. Не личность.

Она взяла ленту. На обороте проявлялся текст, которого на доске не было:

«Мира, если это читаешь ты, не доказывай, что я был прав. Докажи, что любой из нас мог остановиться».

Мира не успела решить, голос ли это Льва или приготовленная для неё команда.

Наверху закрылась дверь.

Нулевая карточка в её руке стала прозрачной до полного исчезновения серых линий. На стене загорелся таймер: 04:59.

И только тогда из-за круга пустых парт донеслось дыхание человека, который до этого старался не выдать своего присутствия.

Тимур поднял фонарь. Луч прошёл между спинками, коснулся доски и остановился на приоткрытом шкафчике для учебных масок. Внутри было темно, но на нижней полке белела подошва.

— Выходите, — сказала Мира. — Руки держите перед собой.

Дыхание оборвалось. Таймер отсчитал ещё семь секунд.

— Если вы заперты, мы можем открыть шкаф, — добавил Тимур.

Из темноты ответил голос Эды:

— Не открывайте. Тогда система запишет, что вы меня обнаружили.

Мира посмотрела на лестницу. Эда оставалась наверху у сейфа — по крайней мере должна была оставаться. Голос мог идти из динамика, но паузы в дыхании совпадали со словами, а полка едва заметно прогибалась под живым весом.

— Назовите последнее действие, которое мы совершили вместе, — потребовала Мира.

— Вы подписали контейнер фамилией Ланская и кодом К-17. Я позволила вам солгать в поле имени.

Это знали четверо. Ответ ничего не доказывал.

— Почему вас нельзя обнаруживать?

— Потому что в старой программе наблюдатель не считался участником, пока участник не признавал его присутствие. Лев использовал это как право внешнего свидетельства. Равн — как способ не включать человека в последствия.

Таймер показывал 03:51.

— Вы сейчас наверху? — спросила Мира.

Из шкафчика раздался тихий смешок, совсем не похожий на Эду.

— Это зависит от истории, которую вы решите сохранить.

Подошва втянулась в темноту. Тимур одним движением распахнул дверцу. За ней оказался пустой шкаф глубиной в ладонь и круглый динамик в задней стенке. На полке лежала серая карточка свидетеля — та самая, которой Эда опечатывала диск. На экране карточки менялось время, подтверждая присутствие трёх человек в нижней комнате.

Третьим она называла Льва Кареля.

Глава 6. Добровольный режим

Таймер дошёл до четырёх минут, когда карточка свидетеля перестала показывать имя Льва.

Сначала буквы дрогнули, будто экран терял питание. Потом строка сложилась заново: «ТРЕТЬЕ ПРИСУТСТВИЕ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНО».

— Возьмём её, — сказал Тимур.

— Нет.

— Она уже назвала человека, которого здесь нет. Это либо доказательство подлога, либо...

— Либо устройство, рассчитанное на то, что мы нарушим ещё одно правило.

Мира сфотографировала карточку служебным модулем. На этот раз снимок сохранился. Она положила рядом узкую бумажную копию доски, провела запись времени и потребовала у Тимура вслух подтвердить, что они не открывали шкаф до начала голоса. Он подтвердил, добавив, что дверь шкафчика распахнул он и что Мира его не останавливала.

— Зачем это уточнение?

— Чтобы вы потом не сделали из меня удобный внешний фактор.

Она хотела возразить, но промолчала. В их расследовании он уже слишком часто становился рукой, которой она совершала то, чего не решалась оформить собственным именем.

Нулевая карточка оставалась прозрачной. Дверь наверху не реагировала ни на неё, ни на служебный модуль, ни на карту Тимура. На стене горело 03:12.

— Если таймер настоящий, у нас три минуты, — сказал он.

— Если настоящий — для чего?

— Вы всегда отвечаете вопросом, когда боитесь выбрать версию.

— Я выбираю действие, которое переживёт обе версии.

Мира подошла к кругу парт. Семь расколотых карточек лежали пустыми центрами вверх. Трещины отличались: одну переломили пополам, другую просверлили, третью как будто расплавили по краю. Это были не следы одной аварии, а семь отдельных попыток прекратить участие. На торце каждой парты имелась узкая щель.

Она вставила бумажную ленту в щель парты Льва. Машина втянула край, остановилась и вернула ленту с новой строкой:

«ОТЗЫВ НЕ ТРЕБУЕТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПРИЧИНЫ».

Тимур прочитал через её плечо.

— Попробуйте карту.

— Она не принадлежит мне.

— В этом и был смысл Льва. Право переходило к нашедшему.

— А если нашедший — человек Равна?

— Тогда плохой проект.

Таймер показывал 02:34.

Мира вставила нулевую карточку в щель.

На доске погасло имя Льва. Остались должность, слова «держатель нулевого отзыва» и пустое место, в которое могло поместиться любое имя. Дверь наверху открылась без звука.

— Карта не выпустила нас, — сказала Мира. — Она удалила владельца.

— Или показала, что владелец никогда не был условием.

Они поднялись. За дверью их ждали Эда и Равн. Между ними на переносном столике стоял опечатанный контейнер из медицинского сейфа. Пломба была цела. Через прозрачную стенку виднелась нулевая карточка.

Мира не стала прятать свою копию. Поднесла её к свету рядом с контейнером. Карты совпали формой, но у той, что держала она, в левом углу сохранялась микроскопическая «Л».

— Теперь их две, — сказала Эда.

— Их было две до того, как вы заперли одну в сейфе, — ответила Мира.

Равн посмотрел на раскрытую карту Тимура.

— Вы повредили средство доступа.

— Отделил вложение без повреждения слоёв, — сказал Тимур. — В журнале выдачи его нет.

— В журнале старого контура есть.

— Покажите.

— Покажу всем. В палате хора.

— Сначала откройте дверь, — сказала Мира.

Дверь нижней комнаты уже закрылась, отрезав лестницу. Пломба на ней снова показывала завтрашнюю дату.

— Вы вышли сами, — сказал Равн.

— Открыли её мы. Закрыл её кто-то ещё.

— Автоматика завершила учебный цикл.

— Карточка свидетеля назвала третьим присутствующим Льва.

Эда впервые посмотрела не на Миру, а на Равна.

— Карточка была внизу?

— С вашим голосом.

— Я не спускалась туда шесть лет.

— Ваш голос сообщил, что вы одновременно наверху и в шкафу.

— Это старая запись, — сказал Равн.

Мира развернула к нему модуль.

— Вы ответили за неё быстрее, чем она успела исключить запись.

— Потому что знаю устройство комнаты.

— Тогда знали и о карте.

Равн взял контейнер, но не двинулся к палате хора.

— Я знаю достаточно, чтобы понимать: нижняя комната не предназначена для двух людей без медицинского наблюдения. И недостаточно, чтобы объяснить каждую запись, которую оставил ваш брат. Это не уловка, Мира. Старый контур пережил своих создателей кусками. Некоторые мы отключили. Некоторые считают себя действующими.

Он впервые назвал её настоящим именем при Эде.

Тимур повернулся к Мире. Она увидела не удивление — подтверждение того, что он давно решил, кем она была. Эда лишь устало прикрыла глаза.

— Значит, легенда закончилась, — сказала Мира.

— Для нас она не начиналась, — ответил Равн. — Ваш модуль передал код К-17 при въезде. Мы не вскрывали чемодан. Он опрашивал дом, дом ответил.

— Почему вы позволили мне работать под чужой фамилией?

— Потому что человек имеет право сам выбрать момент, когда назовёт полномочия.

— Особенно если до этого момента его можно считать пациентом.

— Особенно если аудитор приехал без официального мандата и с личной заинтересованностью.

Эда сняла контейнер со столика и прижала к груди.

— В палате уже ждут. Глеб увидел в терминале аварийное изменение режима и собрал остальных.

— Какого режима? — спросила Мира.

Равн кивнул на карточку в её руке.

— Добровольного.

В палате хора кресла стояли не кругом, а двумя рядами перед стеной прогнозов. На ней мерцала карта побережья. Три города обозначались тёплыми пятнами, соединёнными с островом тонкими зелёными нитями. Севернее двигался серый фронт. У каждой нити стояло число, похожее на процент, но без знака.

Глеб сидел в первом ряду, выпрямив спину. Борис ходил вдоль стены. Нана держала ладони на плечах Лады, а Ася стояла ближе всех к экрану, считывая его дрожь пальцами с металлической рамы.

— Он говорит, мы выключили защиту, — сказала Лада, когда вошла Мира.

— Я сказал, что режим изменён без общего решения, — поправил Глеб.

— И что из-за нас затопит Ратный Берег, — добавил Борис.

— Если северная ветвь потеряет согласование, — сказал Глеб. — Я не говорил «из-за нас». Причина должна быть установлена.

Равн встал у стены и коснулся панели. Цифры получили подписи: «сходимость прогноза», «допуск действий», «время пересмотра». У северного города сходимость упала с восьмидесяти двух до шестидесяти четырёх.

— Нулевая карта перевела текущую группу в добровольный режим, — сказал он. — Теперь каждый ваш прогноз передаётся в климатическую сеть только после отдельного подтверждения. Любое подтверждение можно отозвать.

— Разве раньше было иначе? — спросила Нана.

— В анкете стояло, что мы участвуем добровольно, — сказал Борис.

— И вам объяснили, что можно отказаться, — ответил Равн.

— Мне объяснили, что я лишусь места в защищённом общежитии, если откажусь от назначенного курса, — сказала Лада.

Её голос прозвучал тихо, но Нана убрала руки с её плеч, словно только теперь почувствовала, что держит человека.

— Это решение жилищной службы, — сказал Равн. — Не санатория.

— Ваша система передаёт им отметку о прохождении курса, — сказала Мира.

— Да.

— Без отметки человек теряет приоритет в защищённой зоне.

— Может потерять. Приоритет рассчитывается по нескольким основаниям.

— Но вы знали, что отказ имеет жилищную цену.

— Конечно.

Признание разозлило её сильнее отрицания.

— И называли это согласиём.

— Я называю согласиём возможность сказать «нет» до процедуры.

— Если за «нет» человека возвращают под соляные бури, это не свободный выбор.

— Свободный выбор не означает выбор без последствий.

— Последствия созданы вашей системой.

— Последствия созданы дефицитом защищённого жилья. Я использую существующее правило распределения, потому что иначе сюда приедут только обеспеченные люди, которым не нужна защита.

Борис перестал ходить.

— То есть бедным вы предлагаете лечиться телом, а богатым — убеждениями на расстоянии?

— Дистанционное участие даёт слабый сигнал.

— Сигнал, — повторила Нана. — Не лечение.

Равн не отвёл взгляда.

— И то и другое.

Он увеличил карту. Зелёные нити оказались не линиями связи, а цепочками решений: открыть накопители, задержать опреснение, перевести транспорт, изменить очередность эвакуации. Рядом с каждым решением стояли варианты и интервалы пересмотра.

— Климатическая сеть не предсказывает погоду в старом смысле, — сказал Равн. — Она предлагает тысячи допустимых действий при неполном знании. Главная причина потерь — не ошибка одного прогноза. Это несовместимые реакции служб. Один район начинает эвакуацию, соседний удерживает транспорт, третий забирает мощность насосов. Контур не двигает облака. Он снижает число решений, которые взаимно уничтожают друг друга.

Тимур подошёл к экрану.

— Через корреляцию наших ответов?

— Через устойчивость пересмотра. Группа получает неопределённую задачу. Мы измеряем, какие условия позволяют людям сохранить совместное действие и не скрыть разногласия. Модель переносит структуру на сеть диспетчеров.

— Тогда пациенты — обучающая выборка, — сказала Мира.

— Живая калибровка.

— Без которой города не справляются?

— Справляются хуже.

— Насколько?

Равн вывел две кривые. На одной решения расходились после каждого обновления данных, на другой удерживались в общем коридоре.

— За последние три года контур сократил число конфликтующих команд на тридцать один процент.

— Источник?

— Журналы сети. Вы получите копию.

— А сколько из этого даёт санаторий, сколько программные ограничения, сколько обычное обучение диспетчеров?

— Разделить надёжно не удалось.

— Значит, вы не знаете, необходимы ли эти люди.

— Знаю, что при отключении контура расхождение растёт.

— Потому что сеть проектировали с зависимостью от него.

— Сеть проектировали во время пятилетней засухи. Тогда выбирали то, что работало.

Ася подняла руку. Эда передала ей переносной микрофон, усиливающий голос не для комнаты, а для текстовой строки на стене.

— Если мы сейчас ничего не подтвердим, кто потеряет дом? — спросила Ася.

Равн показал северный сектор. Там ожидалось перемещение соляной пыли, а две модели расходились в направлении ветра. Один вариант требовал закрыть внешний жилой пояс; другой — оставить людей на местах и направить энергию на фильтрацию воды.

— Немедленно никто, — сказал он. — Через девять часов диспетчеры должны выбрать режим. Контур предлагает им общий предел риска.

— А если мы откажемся?

— Они примут решение без текущей калибровки.

— То есть могут справиться.

— Могут.

— А могут ошибиться.

— Могут.

Глеб встал.

— Тогда мы обязаны восстановить режим.

— Вы вправе подтвердить своё участие, — сказал Равн.

— Не только своё. Нужна сходимости группы.

— В добровольном режиме каждый отвечает за себя.

— Но результат зависит от всех.

Глеб повернулся к Асе. В его движении не было угрозы, лишь пугающая уверенность процедуры.

— Вы уже отзывали голос. Теперь показатель упал снова. Если вы подтвердите участие, мы вернём допустимый уровень.

Тимур шагнул между ними, как утром.

— Вы не знаете, вернём ли.

— Равн показал зависимость.

— Он показал две линии без исходных данных.

— Пока вы требуете исходные данные, люди дышат пылью.

— Пока вы пугаете ими Асю, она не выбирает.

Ася обошла Тимура и встала перед Глебом. Она читала по губам, заставляя его смотреть прямо.

— Если я соглашусь, потому что вы назвали мне чужие смерти, моё согласие станет лучше для вашей системы?

Глеб задумался.

— Оно станет действующим.

— Я спросила не это.

— Система измеряет решение, а не чувство.

— Тогда ей всё равно, верю ли я.

— Важно, что вы сделаете.

— Вот и ответ, — сказала Мира. — Здесь не лечат неспособность верить. Здесь добывают предсказуемое действие.

— Иногда предсказуемое действие и есть лечение, — ответил Равн. — Человек, который не может доверять ни одному решению, не свободен. Он парализован проверкой.

Слова попали точнее, чем Мира хотела показать. Она перевела взгляд на карту, но увидела в стекле отражение собственного лица.

— А человек, который не может отозвать решение?

— Тоже не свободен.

— Однако таких вы считаете лучшими участниками.

Равн посмотрел на Глеба.

— Я считаю их опасно эффективными.

В комнате стало тихо. Глеб не изменился в лице, но его пальцы сжались на спинке кресла.

— Вы сказали, курс успешен, — произнёс он.

— Ваш прежний курс признали успешным по старой шкале.

— Вы подписали заключение.

— Подписал.

— Тогда либо заключение верно, либо вы лгали.

— Оно было верно в пределах плохой шкалы.

— Истина не имеет пределов шкалы.

— Имеет всякий раз, когда её измеряют люди.

Глеб сел. На стене сходимость поднялась на две единицы, хотя никто не подтвердил участия.

Мира заметила изменение первой.

— Почему показатель вырос?

Тимур уже открыл техническое окно.

— Система считает разговор.

— Она не должна, — сказал Равн.

— Но считает.

В журнале входных данных шли не имена и не слова, а интервалы между репликами, направление взгляда, совпадение движений и частота поправок. После вопроса Глеба группа на несколько секунд повернулась к Равну почти одновременно. Алгоритм принял это за сходимость.

— Вот ваша вера, — сказал Борис. — Мы одинаково посмотрели на врача.

— Это один из косвенных признаков, — ответил Равн.

— Полученных без отдельного подтверждения, — сказала Мира.

Она вынула нулевую карточку. На пустом центре появилась тонкая строка: «ОТЗЫВ НАБЛЮДЕНИЯ». Ниже предлагались три области: медицинская, учебная, климатическая.

— Если нажать климатическую, что произойдёт?

— Поток признаков этой группы перестанет поступать в модель до нового согласия, — сказал Равн.

— А жильё?

— Отметка о прохождении курса останется незавершённой.

— Значит, цена отказа сохраняется.

— Я не могу изменить правила жилищной службы с этого терминала.

— Но можете выдать заключение о прохождении курса без климатического участия.

— Тогда я удостоверю то, чего не было.

— Разделите лечение и работу на сеть.

— Метод не позволяет разделить их полностью.

— Ваш метод или метод Льва?

На секунду Равн посмотрел на карточку, а не на неё.

— Нынешний.

— Вот что вы скрывали. Не существование датчиков и не пользу контура. Вы связали право на защищённое жильё с неоплачиваемой работой, назвали работу лечением, а невозможность выйти — терапевтической необходимостью.

— Я связал две системы, каждая из которых без другой обслуживала бы тех, у кого уже есть выбор.

— И поэтому отняли выбор у остальных.

— Я сделал его дорогим. Не возможным.

Лада поднялась. Нана не удерживала её.

— Моя мать живёт во внешнем поясе, — сказала Лада. — Если я сейчас отзову участие и нас выселят, место получит другая семья. Может быть, ей нужнее. Но мне говорили, что я больна, потому что не могу принять решение. Никто не сказал, что моими колебаниями будут настраивать эвакуацию.

— Это было в полном соглашении, — сказала Эда тихо.

— На сорок третьем экране. После списка последствий отказа.

Эда опустила глаза.

Борис попросил вывести форму, которую они подписывали. Равн не препятствовал. На стене появились плотные страницы. Участие в климатической калибровке называлось «системным компонентом терапевтического наблюдения». Отказ допускался в любой момент, но дальше шла ссылка на правила непрерывности курса и автоматическую передачу статуса внешним службам.

— Законно, — сказал Борис. — Даже запятые законные.

— Законность я проверю позже, — сказала Мира.

— Как кто? — спросила Нана. — Пациентка Ланская или аудитор Карель?

Равн не удивился вопросу. Значит, имя уже отобразилось на одном из терминалов или Эда успела сообщить группе.

Мира могла снова укрыться за процедурой: полномочия не подтверждены, расследование не объявлено, личная связь создаёт конфликт. Всё это было правдой. И всё это позволяло собирать чужие признания, не отдавая собственного.

— Я Мира Карель, — сказала она. — Внешний аудитор общественных алгоритмов. Приехала без действующего поручения. Мой брат Лев участвовал в создании старого контура и исчез. Я скрыла имя, чтобы получить доступ к системе до того, как Равн подготовит ответы.

— Получили? — спросил Борис.

— Часть.

— А нас вы тоже считали системой?

— Сначала — источниками свидетельств.

— То есть людьми потом.

— Да, — сказала Мира.

Признание не облегчило ничего. Нана отодвинулась. Лада смотрела на неё с тем же вниманием, с каким раньше смотрела на Равна. Только Ася кивнула, будто услышала не правильный ответ, а ответ, который можно продолжить.

Мира коснулась на карте «ОТЗЫВ НАБЛЮДЕНИЯ», но не выбрала область.

— Я не буду отзываться за всех. И не оставляю всё как есть. Предлагаю каждому получить отдельную копию формы, журнала своих признаков и последствий отказа. До этого климатические данные группы должны быть заморожены, но не удалены. После — каждый подтверждает или отзывает участие отдельно.

— Девять часов, — напомнил Глеб.

— Достаточно, чтобы прочитать то, что нас заставили пролистать.

— Недостаточно, чтобы оценить риск для города.

— Риск должен объяснить тот, кто просит согласия. Не тот, у кого его требуют.

Равн увеличил серый фронт.

— Если я соглашусь на заморозку, сходимость северного сектора может упасть ниже рабочего допуска. Диспетчеры получают предупреждение и перейдут на резервный протокол. Он медленнее, дороже и потребует закрыть две больницы для планового приёма на сутки.

— Может потребовать или потребует?

— По текущей оценке — вероятность шестьдесят восемь процентов.

— А если мы сохраним участие?

— Двадцать один.

— Эти числа учитывают, что система только что приняла общий поворот головы за согласие?

Равн не ответил сразу.

— Нет. Модель качества признаков пересчитывается отдельно.

— Тогда вы предлагаете цену, точность которой сами поставили под сомнение.

— Другой цены у нас нет.

— Есть. Честно сообщить диспетчерам, что калибровка получена без информированного подтверждения и временно недоступна.

Тимур вывел канал служебных комментариев. Он был открыт, но отправка требовала подписи Равна.

— Подпишите, — сказала Мира.

— Вы требуете от меня ослабить сеть на основании карты, статус которой не установлен.

— Нет. На основании дефекта согласия, который вы признали.

— Я признал цену отказа, а не отсутствие выбора.

— Тогда дайте им выбрать, не пряча цену участия.

Равн обвёл взглядом группу. Каждый смотрел на него отдельно. Показатель сходимости снизился ещё на три единицы.

Он приложил ладонь к терминалу и подписал комментарий:

«Калибровка группы 9 временно приостановлена: повторное индивидуальное подтверждение после раскрытия назначения данных. Резервный протокол обязателен до следующего сообщения. Не интерпретировать снижение сходимости как прогноз погодного события».

На карте зелёные нити стали пунктирными. Северный город не погас. Возле него возникла жёлтая рамка: «РЕЗЕРВ ПРИНЯТ».

Никто не вздохнул с облегчением. Цена не исчезла; она просто перестала быть угрозой, которую один человек мог произносить от имени миллионов.

Эда раздала пустые носители. Мира отделила на каждый копию формы, персонального журнала и краткое описание климатического использования. Когда дошла очередь до Аси, терминал предложил голосовую версию без текста. Ася отстранила наушник.

— Текст с визуальными предупреждениями, — сказала она. — И без мигания.

Эда изменила формат.

Глеб не взял носитель.

— Мне всё было понятно при первом подписании.

— Тогда повторное подтверждение займёт минуту, — сказал Равн.

— Если я подтверждаю один, система всё равно не получит группу.

— Получит ваше решение и границы его применения.

— Это бессмысленно без остальных.

— Возможно, — сказала Мира. — Но ваше право не становится меньше оттого, что мы не последуем за вами.

Он посмотрел на неё с неприязнью, в которой впервые было сомнение.

— Вы называете правом действие, не дающее результата.

— Иногда результат права — не дать другим решить за вас.

Глеб всё-таки взял носитель.

Когда участники разошлись читать документы, Равн задержал Миру у стены прогнозов.

— Вы добились чистой процедуры, — сказал он. — До вечера резерв потратит столько энергии, сколько внешний пояс потребляет за неделю.

— Запишите это в форму.

— Вы думаете, прозрачность распределяет ответственность. Она только делает вину читаемой.

— Нечитаемая вина не перестаёт быть виной.

— А читаемая не согревает жильё.

Он снял с терминала карту доступа и передал Эде контейнер с первой нулевой карточкой.

— Что будет с нашей копией? — спросил Тимур.

— Останется у Миры до формальной проверки. Теперь изъятие только подтвердит её обвинение.

— Разумно.

— Не путайте разумность с согласием.

Равн ушёл в медицинское крыло.

Мира дождалась, пока дверь за ним закроется, и попросила Тимура проверить отделённые копии. На всех стоял одинаковый хеш формы, но журналы различались. В её журнале отсутствовали семь минут пребывания в нижней комнате. Вместо них значилось: «Наблюдение отозвано владельцем».

— Я ничего не отзывала до палаты, — сказала она.

— Карта удалила имя Льва с доски.

— Это было действие в учебном контуре.

— Для старой системы границ могло не быть.

На носителе Тимура те же семь минут были заполнены. Датчики зарегистрировали двоих: его и Миру. Третьего присутствия не было. Зато в графе источника решения стояло: «добровольный режим активирован держателем отзыва».

— Значит, система считает держателем меня, — сказала Мира.

— Или любого, кто вынес карту.

— Вы вынесли её вместе со мной.

— Но первой коснулись вы.

Она открыла подробности. В поле владельца не было имени. Только код: К-17. Ниже — дата первичной регистрации шестилетней давности и дата последнего восстановления: сегодня, 19:14.

В это время они ещё стояли у лестницы западного крыла. Карту Тимур принёс в 19:12. В 19:14 Мира отказалась взять её из его рук.

— Две минуты она лежала между нами, — сказал Тимур.

— И зарегистрировала отказ как выбор владельца.

— Неплохая система.

— Опасная система. Она толкует бездействие.

Из коридора вернулась Ася. Она держала свой носитель и лист бумаги, на котором крупно написала два слова: «ПОКА НЕТ».

— Это отзыв? — спросил Тимур.

Ася покачала головой.

— Это отсутствие согласия до ответа на вопросы. Пусть система научится различать.

Мира создала для неё отдельную запись именно с этой формулировкой. Терминал трижды пытался заменить статус на «отказ». Она отклонила подсказку и сохранила «решение не принять; данные не использовать».

Показатель сходимости упал ещё на единицу. Северный город остался в жёлтой рамке.

В жилом крыле зажгётся вечерний свет. По трубам прошёл далёкий удар — один короткий, не похожий на детский сигнал. Дом мог реагировать на переключение насосов. Мог отмечать первый выбор, который не сумел свести к «да» или «нет».

Мира спрятала рабочую нулевую карточку отдельно от служебного модуля и сделала три копии журналов: одну отдала Асе, вторую Тимуру, третью запечатала в контейнер для следующего автобуса. Полномочия она пока не раскрывала за пределами группы. Официальный вызов комиссии дал бы Равну законное основание закрыть доступ к персональным данным и одновременно превратил бы пациентов в объекты уже её процедуры.

До автобуса оставалось восемь дней.

До решения северного сектора — меньше девяти часов.

А в 21:03 на стене её палаты появилась строка, которой не было ни в одном журнале:

«ДОБРОВОЛЬНЫЙ РЕЖИМ НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ВЫХОД ОСТАНЕТСЯ ОТКРЫТ».

Мира позвала Тимура, но до его прихода надпись исчезла. На сухой штукатурке остался влажный прямоугольник размером с нулевую карточку.

Глава 7. Первый отзыв

В шесть утра северный город ещё держался в жёлтой рамке.

Мира не спала. Она поставила стул напротив влажного прямоугольника на стене и каждые двадцать минут прикладывала к нему полоску индикаторной бумаги. Влага была обычной водой с примесью извести. Температура совпадала с температурой стены. Ни проводки, ни проектора, ни свежего шва под штукатуркой служебный модуль не обнаружил.

К половине третьего пятно высохло. В журнале палаты не появилось ни предупреждения, ни вызова Тимура, ни трёх попыток Миры снять показания. Система помнила комнату лучше человека, пока её память подтверждала правила комнаты.

В 05:47 терминал у двери включился сам и показал состояние северного сектора:

«РЕЗЕРВНЫЙ ПРОТОКОЛ. РАСХОД ЭНЕРГИИ: 164% ОТ НОРМЫ. ЛОКАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ: ДОПУСТИМА».

Под строкой стояла кнопка «ВОЗОБНОВИТЬ УЧАСТИЕ». Кнопки отзыва не было.

Мира сфотографировала экран, вызвала Эду и потребовала не исправлять интерфейс до составления акта. Эда пришла через девять минут в застёгнутом сером халате, с волосами, ещё влажными после душа. Она посмотрела на экран без удивления.

— Это домашняя страница курса. Она предлагает доступное действие.

— Доступным должно быть и противоположное.

— Отказ оформляется в кабинете наблюдения.

— Под надзором сотрудника.

— Чтобы человек понимал последствия.

— А согласие можно вернуть спросонья одним касанием.

Эда вынула из кармана служебную пластину, но Мира закрыла терминал ладонью.

— Сначала подпишите, что видели.

— Я не аудитор.

— Вы свидетель.

Эда посмотрела на пустую стену над стулом. Мира поняла: о надписи ей известно. Не обязательно содержание — сам факт вызова был в коридорном журнале.

— Если я подпишу каждую асимметричную кнопку, у меня не останется времени выдавать лекарства.

— Тогда подпишите одну. Первую после объявления добровольного режима.

Эда приложила пластину к модулю Миры. В акте она заменила фразу «возврат согласия упрощён» на «возврат согласия доступен из палаты». Мира оставила обе формулировки: свою как наблюдение, Эдину как возражение.

— Вы всегда сохраняете несогласие? — спросила Эда.

— Если оно относится к фактам.

— А если из-за него люди не успеют решить?

— Тогда будет видно, кто принял решение без них.

Эда отключила кнопку, но не весь терминал.

— Завтрак перенесён в палату хора. Равн хочет, чтобы все одновременно получили сообщение с материка.

— Какое?

— Пока никакого. Он ждёт шесть тридцать. В это время диспетчеры пересчитывают ночной прогноз.

Она уже выходила, когда Мира спросила:

— Надписи на штукатурке входят в домашнюю страницу курса?

Эда остановилась.

— Какие надписи?

В её голосе не было готового отрицания. Только усталость человека, которому предложили ещё одну обязанность до завтрака.

— Я пришлю акт отдельно.

— Пришлите, — сказала Эда. — Но не показывайте группе до сообщения диспетчеров. Они всю ночь читали последствия отказа.

— Именно поэтому покажу, если это относится к их выбору.

— Вы умеете превращать предупреждение в угрозу, Мира Карель.

— Не я написала его на стене.

— Зато вы решаете, когда оно становится общим.

В палате хора убрали круг кресел. Столы поставили подковой перед стеной прогнозов, и завтрак выглядел как совещание, на которое по ошибке принесли кашу. Борис сидел с краю и складывал бумажную форму согласия по старым сгибам. Нана рисовала ложкой влажные круги на столе. Лада держала носитель обеими руками, словно билет, срок действия которого мог закончиться, пока она читает. Глеб уже подтвердил участие: возле его имени горела зелёная точка.

Тимур оставил свой статус пустым. Увидев Миру, он подвинул ей чашку.

— Стена ещё говорит?

— Уже нет.

— Значит, воспитательная беседа закончена.

— Ты проверил коридорный журнал?

— В 21:03 система подняла влажность в твоей палате на четыре процента. В 21:05 вернула. Насосы не включались.

— Техническое объяснение?

— Локальный клапан, которого нет на схеме. Или датчик, который врёт одновременно с твоей стеной.

Равн вошёл без халата, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. За ним Эда привезла переносной терминал. На экране светилась карта северного города: три жилых пояса, больничный кластер, накопительная станция и тонкая линия дамбы, удерживавшей не воду, а пыль с бывшего дна водохранилища.

— В 06:30 резерв подтвердил работоспособность, — сказал Равн. — Плановые приёмы в двух больницах перенесены. Энергия взята из накопителей внешнего пояса. Температура жилья снижена на один и восемь десятых градуса до полудня. Аварий нет.

Лада первой нашла на карте свой квартал.

— У матери третий пояс. У неё дыхательный аппарат.

— Медицинские линии не ограничиваются, — ответил Равн. — Бытовой контур квартиры снизит отопление, не питание приборов.

— Ей сказали не открывать окна из-за пыли.

— Рекомендация действует независимо от нашего режима.

— Но она не знает, что я здесь выбираю за её тепло.

— Вы не выбираете за её тепло. Нагрузка распределена автоматикой.

Мира увидела, как Лада сжала носитель. Тот же приём, только без старых слов: последнее объявлялось автоматическим, а значит, как будто ничьим.

— Кто установил приоритет списания с внешнего пояса? — спросила она.

— Городской диспетчерский совет.

— До или после приостановки нашей группы?

— Пять лет назад.

— То есть цена резервного режима заранее падает на людей с наименьшей защитой.

— Цена любого дефицита сначала достигает края сети. Я сообщаю вам факт, а не оправдываю его.

— Но используете его как довод.

— Я обязан сообщить последствия до решения.

Глеб отодвинул пустую тарелку.

— Мне сообщили. Я подтвердил. Если остальные сделают то же самое, резерв отключат?

Равн не ответил сразу.

— Не автоматически. Для калибровки нужен набор независимых решений, а не одинаковые отметки. Система должна увидеть, как группа меняет позиции после раскрытия общей информации.

— То есть одного согласия мало, — сказал Борис. — Вам ещё нужен спор.

— Да.

— И вы хотите, чтобы мы спорили о замёрзшей матери Лады.

— Я хочу, чтобы вы не путали неприятную причинность с манипуляцией.

Нана перестала водить ложкой.

— А можно не хотеть ничего? Не соглашаться, не отказываться, не производить вам полезное колебание?

— Можно оставить статус «решение не принято», — сказала Мира.

— И система использует паузу, — возразил Тимур. — Вчера использовала твой отказ взять карту.

Равн повернулся к нему.

— В старом контуре. Текущая модель не должна интерпретировать отсутствие решения как позицию.

— Не должна или не интерпретирует?

— После приостановки группы — не интерпретирует.

Ася сидела у самого экрана, где речь превращалась в строки. Перед ней лежали два листа. На одном вчерашнее «ПОКА НЕТ», на втором — распечатка её первого утверждения из палаты хора:

«ДО ЗАВТРАШНЕГО ВЕЧЕРА В БАССЕЙНЕ БУДЕТ ВОДА».

Тогда фразу составили из её жестов, коротких слов и догадок группы. Вода появилась, но не так, как они представляли: тонкий слой на исключённом из баланса дне. После этого утверждение вошло в учебный профиль Аси как успешное.

Ася провела ногтем под словом «будет», подозвала Эду и показала на терминал ввода.

— Ты хочешь изменить формулировку? — спросила Эда.

Ася кивнула, затем зачеркнула слово «изменить» на экране и набрала: «ОТОЗВАТЬ».

В комнате стало тихо не сразу. Сначала перестал звенеть прибор у кофейника, потом Борис положил форму, потом Лада перестала шептать название своего квартала. Последним замолчал терминал: он закончил печатать Равнову реплику и показал Асин запрос всем.

Равн подошёл к ней, но не коснулся листа.

— Что именно ты отзываешь? Согласие на использование данных или истинность прежнего утверждения?

Ася прочитала строку по губам и ответила на клавиатуре:

«УТВЕРЖДЕНИЕ».

— Оно уже проверено событием, — сказал Глеб. — Вода была.

Ася набрала:

«Я НЕ ГОВОРИЛА, ЧТО ЗНАЛА».

— Мы спросили, появится ли вода, — напомнила Нана. — Ты сказала — появится.

«ВЫ СОБРАЛИ МОИ СЛОВА».

На старой распечатке сохранилась цепочка: Ася указала на бассейн, написала «завтра», отвергла «сухо» и согласилась с предложенной Мирой фразой. Согласилась — коротким кивком, который система сохранила как окончательное подтверждение.

Мира помнила тот кивок. Она сама тогда торопила группу к проверяемому прогнозу. Ей нужен был результат, который можно отделить от впечатлений. Ася дала ей этот результат, потому что среди шести голосов легче подтвердить чужую фразу, чем построить свою.

— Отзыв истины не меняет прошлого, — сказал Глеб. — Если я скажу, что дважды два больше не четыре, число не послушается.

Ася посмотрела на него и медленно набрала:

«Я ОТЗЫВАЮ НЕ ВОДУ. Я ОТЗЫВАЮ ВАШЕ ПРАВО НАЗЫВАТЬ ЭТО МОИМ ЗНАНИЕМ».

Равн прочитал дважды.

— Такой тип отзыва есть в протоколе К-17, — сказал он. — Отделение события от описанной автору уверенности.

— В нынешней форме его нет, — заметила Мира.

— Потому что он разрушает учебную оценку задним числом.

— Исправляет.

— Не всегда. Человек может отказаться от верного решения после того, как увидит его цену.

— И тогда в журнале останется событие, исходные данные и отзыв авторства. История не исчезнет.

— Исчезнет вес подтверждения.

Ася постучала пальцем по столу один раз, требуя внимания, и ввела:

«ЭТО МОЙ ВЕС».

Мира подвинула к ней нулевую карточку. Белый центр оставался пустым; по краю шла тонкая строка областей отзыва. Когда Ася положила сверху ладонь, карточка предложила три варианта: «ДАННЫЕ», «УЧАСТИЕ», «УТВЕРЖДЕНИЕ». Третий появился только после того, как Мира ввела код К-17.

— Прежде чем подтвердить, — сказал Равн, — ты должна знать: исходное утверждение включено в контрольную последовательность северного сектора. Его отзыв снизит доверительный вес группы. Резерв останется до следующего полного пересчёта.

Эда перевела слова в короткие строки. Ася прочла, затем спросила:

«СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ ПОСТРАДАЕТ?»

— Мы не ожидаем пострадавших. Ожидается дополнительный расход энергии и повышенная вероятность ошибки локального прогноза. Сейчас — девять процентов против обычных трёх.

«КАКОЙ ОШИБКИ?»

— Туман, пылевой вынос, температурный провал. Конкретный тип неизвестен, иначе это уже не была бы ошибка.

«ЕСЛИ НЕ ОТОЗВАТЬ?»

— Модель покажет четыре процента.

«ПОЧЕМУ НЕ ТРИ?»

Равн едва заметно выдохнул.

— Потому что сама приостановка нарушила непрерывность входных данных.

Ася повернула карточку к Мире. На экране был вопрос: **«ВЫ СОВЕТУЕТЕ?»**

Все ждали её ответа. Даже Глеб, который уже выбрал. Мира могла перечислить дефекты оценки, напомнить о сомнительном качестве признаков, потребовать дополнительный расчёт. Любая оговорка стала бы советом, только спрятанным в процедуре.

— Я советую не угадывать, чего от тебя хотят, — сказала она. — Выбери, готова ли ты оставить своё имя под чужой мерой уверенности. Последствия Равн назвал. Я не знаю, точны ли числа.

Эда передала смысл. Ася спросила:

«ВЫ БУДЕТЕ ЗЛИТЬСЯ?»

— Возможно. Но это не должно входить в расчёт.

Ася посмотрела на Ладу, потом на зелёную точку Глеба. Нана отвернулась. Борис не отвёл глаз, но сжал губы, будто уже готовил возражение.

Ася выбрала «УТВЕРЖДЕНИЕ».

Карточка потребовала повторить смысл действия. На экране появились слова:

«СОБЫТИЕ СОХРАНЯЕТСЯ. ВАША ПРИПИСАННАЯ УВЕРЕННОСТЬ БОЛЬШЕ НЕ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ И ПРОГНОЗА. ОТЗЫВ МОЖНО ОТОЗВАТЬ НОВЫМ СОГЛАСИЕМ».

Ася прочитала и нажала подтверждение.

Зелёная нить от санатория к северному городу исчезла. Не погасла постепенно, а обвалилась у самого острова. На её месте остался серый след прежнего соединения.

В 06:41 диспетчерская сеть прислала первое сообщение:

«ЛОКАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ N-4 НЕ ДОСТИГЛА СОГЛАСОВАНИЯ. ВЫПУСК ПРОГНОЗА ЗАДЕРЖАН НА 12 МИНУТ».

Глеб поднялся так резко, что стул ударил спинкой о стену.

— Верни.

Ася не поняла. Он повторил, повернувшись к ней лицом:

— Верни утверждение.

— Сядьте, — сказала Мира.

— Вы слышали: прогноз сорван.

— Задержан.

— Из-за неё.

Равн увеличил технический журнал. В 06:39 модель N-4 получила два несовместимых пакета: основной расчёт предсказывал восточный снос пыли, резервный — северный. Раньше контур санатория повышал вес одного пакета на основании устойчивости групповой последовательности. После отзыва Асиного утверждения вес стал недостаточным, и автоматический выпуск остановился.

— Это не значит, что Ася изменила погоду, — сказал Равн. — Она изменила один из коэффициентов выбора между моделями.

— Значит, изменила прогноз, — сказал Глеб.

— Изменение допустимости выпуска и изменение прогноза — разные операции.

— Люди не получают ни того ни другого.

На стене появилось второе сообщение:

«РУЧНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ N-4. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ КВАРТАЛОВ 31–38 ОТЛОЖЕНО».

Лада вскрикнула. Тридцать четвёртый квартал был кварталом её матери.

— О чём предупреждение?

Равн открыл диспетчерский канал. Ответ пришёл через полминуты: возможный пылевой выброс от восточной дамбы; до разрешения расхождения населению рекомендовано сохранять текущий режим.

— Текущий режим — окна закрыты, — сказал он. — Никакого нового действия от жителей пока не требуется.

— Пока, — повторила Лада. — А если дамба даст выброс?

— Тогда сирены включатся по датчикам независимо от прогноза.

— После выброса?

— При превышении на линии дамбы. До жилых кварталов фронт идёт не меньше одиннадцати минут.

Лада повернулась к Асе.

— Моя мать медленно ходит. Ей нужно больше одиннадцати минут, чтобы спуститься в гермозал.

Ася побледнела и потянулась к карточке.

Мира накрыла её руку своей.

— Не сейчас.

— Уберите руку, — сказал Глеб.

Мира убрала, но карточку отодвинула на середину стола, чтобы ни Ася, ни кто-либо другой не мог нажать вслепую.

— Она услышала последствие, — сказал Глеб. — Пусть исправит.

— Она услышала ваш страх.

— Страх Лады имеет адрес.

— Поэтому нельзя превращать его в чужую подпись.

Лада шагнула к Мире.

— Тебе легко. Твой брат уже пропал. Моя мать ещё там.

Слова ударили точнее, чем Лада, вероятно, хотела. Тимур поднялся, но Мира жестом остановила его.

— Да, — сказала она. — Именно поэтому решение Аси не может принадлежать мне. И тебе тоже.

— Ты привезла сюда свою вину и теперь лечишь ею нас.

— Возможно.

— Не говори «возможно», когда речь о моей матери!

— Тогда скажу точно: я не позволю заставить Асю вернуть утверждение под давлением угрозы, вероятность которой никто здесь не может проверить.

— Не позволите? — переспросил Борис. — Вчера вы объясняли нам право выбора. Сегодня уже разрешаете и запрещаете.

— Я защищаю условия выбора.

— Вы держите карточку.

Мира посмотрела на свою ладонь. Карточка действительно лежала ближе к ней. Она отступила от стола.

— Пусть хранится у Эды до тех пор, пока Ася сама не попросит.

Ася резко покачала головой и забрала карточку себе. Прижала к груди, как утром Лада свой носитель.

Нана встала между Асей и экраном, но не для защиты.

— В бассейне была вода, — сказала она. — Мы все видели. Если теперь можно отозвать даже то, что сбылось, зачем вообще слушать друг друга?

— Чтобы решать, а не назначать виноватого, — ответила Мира.

— Мы решили заморозить данные. Ты решила. Теперь Ася решила. Каждый раз решение принадлежит тому, кто ломает общее, а последствия становятся общими.

— Общее, из которого нельзя выйти, принадлежит не всем.

— Красиво, — сказал Борис. — Только отопление выключают прозой попроще.

Тимур подошёл к техническому экрану.

— Равн, покажите, почему система использовала именно Асин прогноз шестидневной давности для выбора модели сегодня.

— Не прогноз. Структуру подтверждения. Ася первой изменила позицию после группового уточнения и сохранила её до наблюдаемого события. Для алгоритма это сильный пример согласования при неполных данных.

— Хотя формулировку собрала группа, — сказала Мира.

— Именно поэтому пример имел высокий вес. Он измерял не её метеорологическое знание, а способность группы оформить слабый сигнал.

— А участникам сказали, что оценивается утверждение о воде.

— В учебном интерфейсе — да.

— Значит, техническая причина срыва не отзыв Аси. Причина — модель, которая скрытно использовала учебную реплику как управляющий коэффициент.

Равн не стал спорить.

— Это полная причинная цепочка.

— Скажите её диспетчерам.

— Уже отправил.

На стене открылась копия сообщения Равна: «Снижение доверительного веса вызвано отзывом авторства участницей после раскрытия вторичного использования учебной последовательности. Требуется ручной выбор модели либо пересчёт без спорного признака».

— Написали бы просто: Ася передумала, — сказал Глеб.

— Это было бы ложью, — ответил Равн.

Впервые за утро Мира почувствовала к нему благодарность и сразу насторожилась. Равн умел признавать точную часть обвинения так, чтобы остальная система выглядела честнее.

В 06:48 пришёл сырой пакет датчиков дамбы. Восточная станция показывала рост давления под пылевой коркой. Северная не подтверждала. Два года назад восточный датчик давал ложные пики после ночного охлаждения; его собирались заменить, но ремонтный модуль ушёл на южный канал.

— Вот техническое объяснение расхождения, — сказал Тимур. — Один датчик с известным дрейфом.

— Возможное объяснение, — поправил Равн. — Если восточный датчик прав, задержка опасна. Если ошибается, преждевременная тревога выведет людей из герметичных помещений на улицу.

— И группа должна была выбрать, какому верить?

— Группа не выбирала датчик. Она давала модели образец того, как снижать вес противоречивого сигнала после обсуждения.

— Разница утешительная, — сказал Борис. — Мы не нажимаем кнопку сирены. Мы только учим руку, которая нажмёт.

В 06:52 диспетчер назначил ручную проверку восточной станции дроном. Время полёта — семь минут. Прогноз оставался задержан. На карте кварталы 31–38 окрасились в серый цвет: не опасность, а отсутствие опубликованного решения.

Серый оказался страшнее красного. Красный велел действовать. Серый заставлял каждого воображать, что будет сделано слишком поздно.

Лада открыла канал личных сообщений, но связь с материком для пациентов оставалась закрытой до дня автобуса. Она набрала матери короткую записку и снова увидела: «ОТПРАВКА ОЖИДАЕТ ОКНА СВЯЗИ».

— Дайте мне служебный канал, — попросила она Равна.

— Он не предназначен для личных сообщений.

— Тогда позвоните в квартал.

— Диспетчеры сейчас заняты проверкой.

— А вы предлагаете мне сидеть и уважать её выбор?

Ася сняла со шеи слуховой модуль и положила на стол. Жест был понятен без перевода: она больше не хотела принимать их голоса.

Лада заплакала не тихо и не красиво. Нана обняла её. Глеб встал рядом. Борис отвернулся к окну, но остался с ними. Группа впервые сложилась без Миры — не по показателю на стене, а телами, обращёнными в одну сторону.

Тимур стоял у технического экрана. Он не присоединился к ним, но и к Мире не подошёл.

— Ты ведь понимала, что так будет, — сказал он.

— Понимала, что будет давление.

— Нет. Что право отзыва окажется рычагом внутри той же машины. Один человек двигает его, остальные платят.

— Поэтому рычаг нельзя отнимать у человека.

— А распределить цену?

— Нужно.

— Когда-нибудь потом.

— Да.

— Честный ответ, — сказал Тимур. — Бесплезный сегодня.

В 06:59 дрон достиг станции. Камера показала белёсую равнину, ребро дамбы и датчик, наполовину засыпанный пылью. Манипулятор очистил решётку. Давление упало на треть, но не до нормы.

Диспетчер выпустил ограниченное предупреждение: жителям кварталов 31–38 оставаться в помещениях, гермозалы не открывать, ждать повторного сообщения. Прогноз ветра опубликовали с пометкой «низкая уверенность». Восточный снос признали более вероятным, но сирены не включили.

В 07:06 порыв достиг дамбы. Камера исчезла в буром облаке. Датчики жилой границы показали ноль.

Фронт ушёл вдоль старого русла, не к городу.

Никто не поздравил Асю и не извинился. Если бы восточный датчик оказался ложным, задержка выглядела бы разумной. Если бы ветер повернул на четыре градуса, одиннадцати минут могло не хватить. Благополучный исход не отвечал на вопрос, кто имел право рисковать.

Равн отключил общую карту.

— Локальный прогноз сорван в сроке выпуска, но аварии нет. Техническая причина: конфликт датчиков и недостаточный доверительный вес автоматического выбора после удаления спорного признака. Отзыв Аси был условием, при котором дефект стал виден, но не создал дефект.

— Для матери Лады разницы нет, — сказал Глеб.

— Есть, — ответил Равн. — Если мы назовём Асю причиной, восточный датчик не заметят.

— А если назовём датчик, вернём ей право делать это снова?

— Оно уже у неё есть.

Глеб снял зелёную отметку своего участия. На терминале возник вопрос о последствиях. Он не стал подтверждать отзыв, только оставил окно открытым.

— Я соглашался на систему, где решение что-то значит, — сказал он. — Теперь любое значение можно забрать задним числом.

— Можно забрать использование, а не случившееся, — сказала Мира.

— Для вас это разные вещи. Для меня человек отвечает за то, что сказал.

— Даже если слова собрали другие?

— Особенно тогда надо вовремя сказать «нет».

Ася увидела свою фамилию в строке распознавания, снова надела модуль и набрала: «Я СКАЗАЛА СЕЙЧАС».

Глеб прочитал и закрыл окно отзыва, сохранив своё согласие.

— Поздно, — сказал он.

Ася встала. Эда попыталась проводить её, но она отказалась. У двери карточка К-17 мигнула и выпустила короткую бумажную ленту. На ней было напечатано:

«ПЕРВЫЙ ОТЗЫВ ПРИНЯТ. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ НЕ ЗАВЕРШЕНА».

— Какая последовательность? — спросил Борис.

Равн взял ленту за край.

— В действующем протоколе такой фразы нет.

— А в протоколе Льва? — спросила Мира.

— Я видел только фрагменты.

— Удобно.

— Неправда. Если карта ведёт старый сценарий, она может менять веса вне контролируемого контура.

— Вы только что сказали диспетчерам пересчитать без спорного признака.

— Диспетчерам — да. Я не знаю, что пересчитывает карта здесь.

Он предложил изъять К-17 в экранированный контейнер. Ася прижала карточку к груди и посмотрела на Миру.

Вчера Мира обещала, что право не станет меньше, если остальные не последуют. Сегодня за дверью стояли остальные, и каждый уже назначил этому праву цену. Защитить Асю означало подтвердить их худшее подозрение: аудитор приехала проверить идею брата на живых людях. Отдать карточку означало превратить первый настоящий отзыв в исключение, допустимое только до первого неудобства.

— Карта остаётся у Аси, — сказала Мира. — Но до технической проверки она не активирует новые области. Копию состояния снимают при ней. Без чтения личных данных.

— Кто это решил? — спросила Нана.

— Я предлагаю условия сохранности доказательства.

— Нет. Вы только что решили.

— Тогда пусть Ася решит, принимает ли условия.

Ася выслушала Эдин перевод и написала: «ДА. КАРТА У МЕНЯ».

Нана взяла Ладу за руку.

— Я больше не буду говорить при ней о своих прогнозах.

Слово «ней» могло относиться к Асе. Могло — к Мире. Нана не уточнила.

Борис положил перед Мирой сложенную форму.

— Я не подтверждаю участие. И не отзываю. Сначала хочу независимое объяснение, почему ваш семейный код управляет городской сетью.

— Я тоже.

— Вы знали о коде больше нас.

— Знала, что он принадлежал Льву. Не знала, что он активен.

— Вы уже один раз приехали под чужим именем. Второго кредита доверия не бывает.

Он ушёл вслед за Наной и Ладой. Глеб задержался у двери.

— Если сегодня отопление вернут, это будет не ваша победа, — сказал он.

— Я не считаю это победой.

— Тогда зачем вы всё время защищаете проигрыш?

— Потому что иначе проигравшего назначают неисправностью.

— Иногда неисправность и есть неисправность.

Он вышел.

В комнате остались Равн, Эда, Тимур и Мира. На столах остывала каша. Добровольный режим не повысил сходимость ни на единицу, но терминал продолжал считать направление взглядов. Теперь большинство пустых кресел было обращено от места Миры.

— Я отключу поведенческий сбор, — сказал Равн.

— Почему не сделали вчера?

— Потому что хотел увидеть, способна ли старая карта отделить отказ от разрушения группы.

— И использовали нас без согласия ещё раз.

— Да.

Эда резко повернулась к нему.

— Вы сказали, наблюдение заморожено.

— Климатическая передача была заморожена. Локальный журнал — нет.

— В форме это одна область.

— Поэтому я отключаю сбор и фиксирую нарушение.

Мира ждала объяснения, которое уменьшит признание: необходимость, безопасность, незавершённость интерфейса. Равн ничего не добавил. Подписал акт своим именем и передал ей копию.

— Вы получили основание закрыть санаторий? — спросил Тимур.

— Получила основание для внешней проверки.

— Это не ответ.

— Заккрытие сейчас оставит климатическую сеть без переходного механизма.

— Значит, ты повторишь Равна другими словами.

— Нет. Я потребую временного независимого управления.

— Которого нет на острове.

— Его можно прислать следующим автобусом.

— Через восемь дней.

— Через семь, — поправила Эда.

Тимур усмехнулся.

— Прекрасно. Семь дней добровольного режима, где кнопка согласия у кровати, отказ под надзором, карта брата пишет неизвестные сценарии, а город ждёт, пока мы правильно поспорим.

— Помоги мне проверить карту, — сказала Мира.

— Помогу Асе. Это не одно и то же.

Он ушёл, забрав переносной считыватель.

Эда собрала нетронутые тарелки. Равн закрыл журналы группы и действительно отключил поведенческие датчики: один за другим погасли маленькие огни под краями столов. Когда последний исчез, стена прогнозов на мгновение стала зеркалом. Мира увидела себя отдельно от остальных — не потому, что кресла разошлись, а потому, что никто больше не соглашался считать её защиту нейтральной.

— Вы хотели доказать, что выход существует, — сказал Равн. — Доказали.

— Выход, после которого человека ненавидят, всё ещё выход.

— Формально.

— Не только.

— Тогда почему вы не рады?

Мира подняла бумажную ленту. «Последовательность не завершена».

— Потому что Лев предусмотрел первый отзыв как начало чего-то ещё. А я не знаю — исправления или опыта.

Равн посмотрел на ленту, но не попросил её вернуть.

— Архив старого контура хранится в комнате проверки. Туда нет доступа без действующего участника и врача.

— Вы предлагаете сделку?

— Предлагаю установить, что карта делает после отзыва. Вы входите как держатель К-17.
Я — как ответственный за нынешний контур.

— Карта у Аси.

— Значит, без неё не войдём.

Это было правильное условие. Именно поэтому Мира ему не доверяла.

В 07:31 северный сектор снял предупреждение. Накопители внешнего пояса вернули отопление к обычному уровню. В диспетчерском отчёте срыв прогноза занял пять строк; имя Аси не упоминалось. Восточный датчик поставили в план срочной замены.

В групповом журнале появилась другая запись:

«УЧАСТНИК А-6: ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В СХОДИМОСТЬ».

Мира потребовала удалить оценку. Система отказала: показатель был вычислен до отключения наблюдения и считался историческим фактом.

Она не стала стирать строку нулевой картой. Вместо этого добавила возражение со своим именем:

«Отрицательным был не вклад участницы, а способность модели принять её отзыв».

Подпись сохранилась. Через секунду рядом возникла вторая строка без автора:

«ВОЗРАЖЕНИЕ ПРИНЯТО К ПРОВЕРКЕ. ДЛЯ ПРОВЕРКИ ТРЕБУЕТСЯ КОМНАТА».

Глава 8. Комната проверки

Ася согласилась войти в комнату при трёх условиях.

Она записала их на обороте ленты, которую выдала нулевая карточка: карта остаётся у неё; всё, что относится к её данным, сначала показывают ей; если дверь закроется без возможности открыть её изнутри, проверка прекращается.

Равн прочёл условия и подписал. Мира добавила четвёртое: локальный журнал комнаты копируется на независимый носитель Тимура. Ася зачеркнула слово «независимый» и написала: «ЕГО». После утреннего срыва она не доверяла качествам, которые люди присваивали вещам заранее.

К полудню санаторий вернулся к расписанию. В столовой звенела посуда, в медицинском крыле шли индивидуальные беседы, над высохшим дном дрожал горячий воздух. Только группа девять распалась. Лада попросила перевести её в другую палату. Нана отказалась от общих занятий. Борис отправил Равну список из сорока одного вопроса. Глеб подтвердил участие в контуре и потребовал не учитывать решения остальных как его контекст.

Ася ждала у западной лестницы одна. Карточку К-17 она носила в прозрачном пакете на шнуре. Увидев Миру, подняла экран:

«ВЫ НЕ БУДЕТЕ ГОВОРИТЬ ЗА МЕНЯ».

— Не буду.

«ДАЖЕ ЕСЛИ ОН СПРОСИТ БЫСТРО».

— Тогда будем отвечать медленно.

Равн пришёл с Эдой и металлическим ящиком инструментов. Тимура не было.

— Где носитель? — спросила Мира.

Эда показала маленький матовый модуль.

— Тимур настроил копирование и ушёл.

— Почему?

— Сказал, что его присутствие превратит помощь Асе в помощь вам.

Мира приняла модуль. На пломбе Тимур оставил царапину в форме незамкнутого круга. Не знак доверия — способ узнать замену.

Западная лестница закончилась у двери, которую прежде скрывала декоративная панель. После активации К-17 панель отъехала сама. За ней обнаружились три замка: врачебный, технический и пустое углубление размером с нулевую карточку.

Равн приложил ладонь к первому замку. Эда ввела код во второй. Ася не двигалась.

— Третий доступ ваш, — сказал Равн, глядя прямо на неё.

Ася прочитала его губы и показала карточку, но не вставила.

«ДВЕРЬ ИЗНУТРИ?»

Равн нажал механическую ручку. Та опустилась, хотя дверь оставалась запертой.

— Замок удерживает вход, не выход.

Ася велела ему войти первым. Только когда он подчинился и дверь осталась открытой, вставила К-17.

За дверью не было архива. Узкий коридор спускался между двумя стенами санатория, старой каменной и новой композитной. В просветах висели кабели, трубки и тонкие тяги. Они уходили вверх, к палатам, вниз, к бассейну, вдоль коридоров. На каждой стояла бумажная бирка с номером комнаты и назначением: «звук», «влага», «температура поверхности», «ответная задержка», «направление внимания».

Мира остановилась возле бирки своей палаты.

— Влажный прямоугольник.

Равн осветил трубку. Та заканчивалась плоской капиллярной сеткой за штукатуркой.

- Стена могла вывести воду по заданному контуру.
- Могла написать фразу?
- Если сетка сохранилась полностью. Я считал, что половина каналов заглушена.
- Эда открыла сервисный зажим. Внутри трубки блестела вода.
- Клапан сработал в 21:03, — сказала Мира. — Команды в журнале нет.
- Значит, команда пришла из старого слоя, — ответил Равн.
- Который вы не контролируете, но продолжаете использовать.
- Я использую здание. Старый слой встроен в него.
- Удобная разница.

Ася коснулась натянутой струны возле бирки «палата хора». Струна ответила низким звуком, почти неслышным Мира, но Ася отдернула руку.

Эда показала ей схему: механическая передача вибрации шла по перекрытиям к деревянным панелям. Маленькие молоточки могли ударять изнутри. Три коротких, два длинных, три коротких не требовали ни призрака, ни человека за стеной. Требовался контроллер и знание сигнала.

- Кто ввёл последовательность? — спросила Мира.

Равн нашёл блок управления. Пломба на крышке была старше нынешней краски. В локальной памяти сохранилось двенадцать шаблонов: тревога, приглашение, подтверждение, повтор, ночной вызов. Восьмой шаблон состоял из восьми ударов нужной длины, но имени не имел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.